Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

„Звезда“

Литературное приложение
к газете „ЗВЕЗДА“
под редакцией М. Кривицкого.

В НОМЕРЕ:

№ 2—3. МИНСК, 20 февраля 1923 г. № 2—3.

Осень 1920 года.

Анна Гольдберг.

Синь небес
Осенних. И берег пуст.
И в улицах домов закрытые глаза.
И за верстою вод
Пустынный волнорез.
Под солнцем пляжа полоса
И серые тела лангуст;
И плющ морской гниет.
Босой команды мелкий рой
Не оглушает берег визгом.
Лишь волны тешатся игрой,
И чайка, опускаясь низко,
Устало крикнет иалету ..
И в неподметенном порту,
И у таможенных весов
Лишь силуэты тощих псов.
А в городе асфальт блестит
Бесчисленным пенсне оконного стекла
И грабежей печать легла
На строй домов и гавани гранит.
И неба гладь
Встревоженно тиха,
И некому убрать
В бульварах листьев вороха...
Мертв город. Редко у ворот
Стучится робкий пешеход,
И эхо вглубь двора несет испуг...
И из-под вывесок „Склад вин“
В лицо тревожно глянут вдруг
Глазницы темные разграбленных витрин.
И спят базарные лари.
А по ночам качают фонари
Слепых голов белесые шары,
И до вокзального перрона,
Как окровавленная тьма,
На всех углах горят костры,
Охватив из мрака ближние дома;
И, вздрагивая от ночного стона,
Храбрится самооборона.
А в гавани седой прибой
Встречает псов немолчный вой...
Недавно... Тоже ночь.
Но море в пальцах щупающих полос:
И голос
Поездов, спешащих прочь,
И бег грузовиков,
И отступающих полков
Размерный топот
Слились в шипящий шопот
Растущий в торопливый гул...
А ветер каждый миг несет
И глухо бьет в нахмуренные стены
Орудий звук на дальнем берегу.
А в башне, покрывая все,
Гигантской бабой над покойником—сирена...

И было утро. Оно родило
Поющие рои смертельной саранчи;
И от басовой смерти
С обрыва рухнула „Серебряная вилла“.
А в небесах незримые ткачи
Соткали флер из серой шерсти...
Поезд... последний .. красный... ушел!
Беспомощно подставил мол
Вражде летящей издалека
Тугую каменную грудь,
И плакали, ломаясь, стекла...
А через час в внезапной тишине,
Прокладывая незнакомый путь,
Звучали гулко по камням подковы;
И город стал нежданно новый:
Повылезли и рыскали, как волки,
Из Чировской слободки воры,
И женщины с мешками на спине
Распространяли непонятно скоро
О будущем пугающие толки
И вести, что горит страна.
И грабят продовольственные склады.
И день весь до темна
Ломали блеск витрин солдатские приклады.
И в эту ночь к осенним звездам
Вздымался пьяный рык
И грозный в городе,—бессильно ник
На берегу от шума моря.
И жутко, жутко часом поздним
Смеялось зарево над крышами домов.
Когда ж рассвет в ночи проторил
Сиреневой дороги муть,
Спешил солдат на зори зов,
По непонятному приказу:
Готовится в обратный путь.
А точки черные, чуть видимые глазу,
Бросали с неба смерть в лицо.
И запах крови с дымом горьким
Повисли в воздухе тяжельми пластами...
Ушли войска угрюмыми рядами,
Оставив городу на память мертвецов.
И день нашел и записал в свой свиток:
Семнадцать трупов в ряд в портовом морге,
И позабытых два на перекрестке,
Где норд врывался с моря хлесткий
И трогал подле них веселые щитки
Порнографических открыток.
Под солнцем вновь развернуты мотки
Привычно обыденных улиц,
И кажется, что вновь вернулись
Спокойные часы ушедших дней.
Но слышен вдалеке орудий гром,
И дым пожарища над городом темней.
И ждет беду сторожко каждый дом.

Тимофей Степанович.

Идут.

Жизнь дома спрятали за деревянные ставни окон и за плотно закрытые двери. Лампу огородили темным абажуром, что бы лучи ее не проникли сквозь щели ставен и не рассказали прохожим о людях, живущих в доме.

— Атька, Генька, чует мое коммунистическое сердце, что завтра утречком „пушечки загрохают, палочки заохают".

— Умное твое коммунистическое сердце! Почуяло тогда, когда рассказали ему, что наши верст 20 отсюда.

— Бросьте трепаться! Едет это ваше «завтра» на черепахе и приедет недели через 2. А тут, того и гляди, придут-к нам „жолнежы" и благородно пол осят нас в далекое путешествие проповедывать коммунизм среди прародителей.

— Они словно взбесились теперь. Рыщут по всему городу. Карпов говорил, что вся молодежь попряталась. Боится выглянуть на улицу...

— Тише, кто то идет...

— Пусть идет. Ну их ко всем родителям!

— Тише, остолоп эдакий! тебе говорят.

Мерно вбиваются звуки шагов в тишину. В небольшой комнате дома с глазами, закрытыми деревянными веками, три пары ушей настороженно слушают их.

— Атька, вставай. Слышишь, грохочет? Ну, что я тебе говорил?

— Перестань, Мишка, дай спать. Ничего не слышу. Врешь.

— Подожди сейчас.

Кто то громадный зарычал издали:

У-у-у-у-у-у!

Атька радостно вскочил.

— Правильно, расканальи! Ура! Живем, значит?

— Пойдем будит Геньку.

— Генька, наши идут! Слышишь, как топают.

— Слышу. Слышу. Только не кричите. Не накликайте других гостей до прихода наших. Я встаю и иду на разведки.

Генька быстро оделась.

Атька подошел к окну. Посмотрел сквозь светлые щели ставен, по краям покрытые солнечной позолотой.

— Никого нет. Можешь идти.

Дверь, освобожденная от крючка, под давлением рук. Атьки тихо посторонилась и пропустила Геньку.

Атька и Мишка остались. Велся несвязный разговор: о поляках, о Красной армии, наступающей на город. Весело перескакивали слова с одной мысли на другую. За ними бежал по пятам тихий и радостный смех.

Атька подошел к окну. Посмотрел. Испуг влез в глаза.

Расширил и округлил их.

— Миша, легионеры здесь.

На дворе были чужие голоса. Говорили на польском языке.

Миша подошел к окну.

Легионеры подошли к сторожке. Вышла сторожиха.

— Кто живет здесь?

— Никого нет: Все уехали

— Врешь давай ключи

Сторожиха пошла за ключами.

Она повела легионеров к нежилой части дома. Открыла.

Легионеры и сторожиха вошли...

„Бежим".

„Куда? услышат"

— На всякий случай приготовимся

Подошли к окну. Сняли засов. Отперли ставни, закрывающиеся изнутри. Только не открыли их

Легионеры и сторожиха вышли.

— Сюда! указали легионеры на квартиру, где скрывались Атька и Мишка.

— Хорошо. Только тут тоже никого нет.

— Идем. Идем.

Сторожиха повиновалась.

Атька и Мишка подошли к окну.

— Как только будут открывать, мы прыгнем!

Слышно, как ключ встретился с замком.

— Эй, ладно, брось! идем сказал чужой голос на польском языке за дверью.

Раздались шаги по двору. Унесли с собой голоса.

Атька и Мишка отошли от окна. Сели на кушетку, ни слова не говоря. Боялись как бы слова не вернули уходящих.

Просидели так полчаса.

— Что так долго Геньки нет?

— Не схватили ли?

Опять молчание.

По улице, слышно, издали бежит лошадиный топот.

Атька подошел к окну и прильнул к ставням.

Не бежать ли?

Показался отряд. Серые шапки. На некоторых остроконечные шапки буденовцев.

Ставни нервно радостно загрохали.

Солнце ворвалось в окно.

— Товарищи!

Лев Литвинов.

Поэма стали.

(Отрывки).

В груди поют стальные птицы
И мыслью полон череп—чан.
Хочу, хочу с заводом слиться
И чугуном из домны литься
По желобам сердец журча.

На прииске стальных хотений
Мне-б самородки душ найти,
Что старых тюрем стерли тени,
Что в стали высекут ступени,
К коммуне отыскав пути.

Судьбу с тобой связал я туго,
Родной, родной пролетариат,
В глазах читаем друг у друга,
Что пусть завьется в вое вьюга,
До смерти я с тобою, брат.

И если я „вчера“ обманут,
В трясину гляну, сойдя с пути,
Стальной лебедкою затянут,
Вернусь к тебе, стальному стану,
Вернусь, чтоб больше не уйти.

В груди поют стальные птицы
И мыслью полон череп—чан.
Стальным богам хочу молиться,
Хочу над миром буйно виться
И о тебе кричать... кричать...

Анна Гольдберг.

„Ревобыватели“.

Отрывок из повести.

В России была Революция. Во всей России. В столицах—большая и грозная, а в городках, каких хоть пруд пруди,—тоже была, но пропорционально.

Когда горели дома и сердца и внушительно стучали тяжелые орудия там далеко, в незнакомых Москве и Питере, здесь, в малюсеньком, можно сказать, микроскопическом городишке Революция ознаменовалась:

Полковник Лыков, отец Сергей, лавочник Хрущов и еще несколько, кто выписывал газету столичную, не получили ее в течение недели. А когда город узнал в чем дело, на Соборной площади устроили парад военный и рабочий; представители: столяр Марухин и сапожник Шмуль. Вечером т. т. офицеры купеческого собрания в зальце устроили митинг-танцульку. Танцовали с барышнями до утра.

Так случилась Революция.

В осеннюю лунную ночь вышел полковницкий деньщик на единственный в городе балкон, задрал вихрастую (успела обрасти) голову к луне и диким голосом орал:

Сал-лавей, Сал-лавей
Пташичка—а
Канареичка
Жалобно поёт...

Бывший полковник, лежа рядом с супругой своей, бывшей полковницей, зеленел от желания подойти к забывшему знакомые

костяшки полковницкой руки денщику и напомнить увесистой затрещиной. Но приходится сдерживаться. Недаром погоны содрали, новые порядки пошли, и полковник уж больше не полковник, а—видите ли: «тов. комаидир».

— Товарищ командир! Передохнуть бы им, проклятым, всякая шваль товарищем кличет. Вот Петр Сергеич не удержался дал плюху рядовому, и высадили. Это за одну плюху-то!

И лежит рядом с супругой своей бывший полковник, и прячет голову под одеяло, чтоб не слышать:

Жалобно поёт!
Раз-з! Два!

Лопнуло терпение в чьем то мещанском сердце. Открылось окошко во втором этаже напротив через уличку узкую, высунулась голова взлахмоченная и заорала:

— Чего глотку рвешь, сучий зад! Дня на тебя мало, что-ли?

— Гы—Да, слабода-ж! хочу—пею!

— Я тебе покажу «пею»! Как плесну посуду в харю, так зенки-то на слабоду залепит!

Пошел спать оскорбленный в лучших чувствах денщик, пошел оглашать узкую кухню громогласным с затяжкой храпом.

Разными голосами заливаются в подворотнях собаки, спит, прикурнув темными домами, свободный город, и веет, веет над рекой, над площадью и дальше в поле свободный осенний ветер.

Лев Литвинов

* * *

Там,
Где в чадном гуле Нэпа
Выпятили лавки животы витрин,
Хожу тоскливо и нелепо,
Поэт иной зари.
Я понял, знаю: нужен, нужен
Пестрый ярмарочный гуд,
Чтоб зов гудков не кричал простуженно
Над корпусами мертвыми, где умер труд.
Хожу, брожу и глаз стилеты
Читают сказки древние
В укусах пуль кремлевских стен.
Поэты,
На бульварных фонарей кресте
Роспяты мы—певцы весенние
Отчего мы пели солнечным ключом
В иные дни до желтых пятен лавок,
Когда винтовка нежила плечо
И наступал смертоносной лавой.
Я знаю, понял: нужен, нужен.
Несу сквозь боль подснежники весны,
И вижу—в гной набухшей лужи
Сочатся прошлых дней испошленные сны.
Не будем ждать покорно чуда,
В трактире наших дней гармоникой хрипя,
Чтоб новых дней пришел Иуда
Поэтов на углах распять.
Не я поэт поэт—рабочий,
Кующий строфы машинных тел,
В овраги деревенской ночи
Метнувши сноп электро-стрел.
О Нэп, о Нэп, топчу ковер твой
Подкованный, сломлю паркет
И в нарумяненный твой облик мертвый,
Быть может, завтра швырнет поэт
Машинный смех и радио-сонет.
Он будет, час: копьем заводских труб
Пронжу живот твоих смеющихся витрин.
От победы в копоти, безжалостен и груб
Придет поэт и машинист иной зари.

Родион Новинский.

Один из многих.*)

— Стой! Кто идет?—И насторожилось шесть винтовок.

— Свой! заглушая рев бури, звонко отвечает близкий в темноте молодой голос.

Яркая молния лизнула опушку дремучего бора, отчетливо выпучила звездочку на погонах прапорщика и красно-армейскую звезду на фуражке «своего».

Понял, видно, красный, что «нарвался», влево кинулся,—только кусты затрещали, да на шедшую из деревни смену караулов напоролся. Голыми, что называется, его руками взяли.

* * *

За обильно уставленным бутылками и закуской столом сидел толстый, с помятым лицом полковник с младшим офицерством. Под столом стояла баттарея пустых бутылок; десяток испуганно жавшихся друг к другу девушек толпился у дверей.

—Ваше высокбродие! Красного шпиона привели доложил пьянствующим фельдфебель с крестами.

— Веди сюда красную сволочь.

И ввели. Молодой, чернявый, гибкий, что тростник... Но железная воля глядит из красивых твердых очей, презрительно оглядел собутыльников.

— Шпионить вздумал за нами, красная сволочь...—сыплется трехэтажная брань.

— Отчего и не поглядеть, как гуляют да обжираются белые «освободители» рабоче-крестьянской страны, в то время, как мы по их вине умираем от голода,—задорно звенит в ответ.

— Э, да это, кажется, жид. Наверно и коммунист...

— Не жид, а еврей-слесарь, так же честно зарабатывавший себе кусок хлеба, как и миллионы слесарей русских, немцев, французов, коммунист—вот и мой билет.— И разорвал парбилет на четыре кусочка.

С коммунистом, да еще жидом, у белых расправа короткая.

— Расстрелять, но не трогать,—приказал через полчаса пьяный полковник, так и не добившийся, от «засыпавшегося» красного разведчика столь интересовавших его военных сведений—о расположении и силах Красных.

* * *

Ведут окруженного взводом белых красного к лесу,—расстрел чинить.

Пахучий пряный запах оживающей весенней природы несется от каждой травинки, от каждой полевой былинки, кружит голову,—участливо кивают осужденному без суда мохнатыми вершинами случайные деревья:

— Живи! Живи!—кричит из небесной лазури невидимый жаворонок.

— Живи! Живи! задумчиво, дружелюбно вторит ему вековой дремучий лес.

И жить хочется, безумно хочется. Ведь так мало жилось, не все еще от жизни взято, мало боролось.

И хочется рвануться в сторону: если и умереть, так во время побега...

Но за взводом «белых» шагает целая «рота» местной молодежи. Тут и все вчерашние девушки. У одних лица полны сострадания, у других—любопытства: что-то будет...

— Аль не видали еще, как коммунистов расстреливают белые?

— Не видали.

— Что же, увидите.

И жажда показать, как может и должен умереть коммунист, пересиливает волю к побегу.

Пришли. Топчется на месте белое солдатье, будоражит и их мощно прущая отовсюду весенняя жизнь. Не хочется им стрелять в безоружного юношу, хотя и жида-коммуниста. Нравится его смелость... Но... против приказа начальства не пойдешь. А стрелять не хочется, ой как не хочется.

— Завязать осужденному глаза,—командует подпоручик.

— Коммунисты умеют умирать и с открытыми глазами, прошу мне глаз не завязывать!

По знаку офицера унтер прячет обратно вынутый из кармана грязно-черный платок.

— Чуть не забыл. Ведь вы, белые, умеете только разрушать, а не создавать. И ходите оборванцами, несмотря на помощь заграничной буржуазии. Так не пригодится ли кому из вас мой костюм?

---

*) В деревне Алексеевке, Ямбургского у., Петроград. губ., накануне взятия нами (14 ноября 1919 г.) Ямбурга слышал я этот рассказ об одном из многих борцов за коммунизм.

Фрэнч, шаровары и сапоги летят к ногам опешивших белых.

— Да и белье на том свете мне не понадобится, забирайте и его.

Остался, в чем мать родила.

— Ну, а теперь стреляйте.

Спокоен, только руки на груди скрестил, да глаза остро засветились.

Резко звучит команда «пли». Нервный залп—не у одного, видно, солдата рука дрогнула...

Упал, минут пять помучился, затих.

* * *

— А вы чего не уходите? Жалко что-ль жидюгу? Чего ревете?—набросился подпоручик на девушек и молодежь из деревни, чутко прислушивавшихся и приглядывавшихся к происшедшей на их глазах картине из борьбы старого с новым.

— Жалко.

— Так может и закопаете его?

— И закопаем...

И не только закопали, но и цветы на могилу принесли и каждую весну—лето их носят.

Роджерс (Г. А. Бродский).

Гирлянды.

Всерезвопламенная радость!
Срывая жертвенный недуг,
Ты взмахом вычурности вдруг
Рождаешь чувственности звук,
Где жжет удушьем, язвой старость,
Где псаям плеядой добрых рук
Скрывает ад простертых мук...
Где жест безумья черный круг...
Где жест, времен стальных кольчуг...
Где жест, как стяг надежд, упруг...
Где вьется снов желанный стук...

Пленяешь душу, как сердца,
Как весть бодрящая гонца,
Как встреча милого лица...
. . . .

А рядом в зимней спячке бор,
Короною снегов,
В алмазной неге кряжи гор
Лучистым блещут льдом,

И в серебристом высоко,
В голубом одеянии ночи,
Странник плыл, озираяс пятном,
И повис в парусах полуночи...

И месяц, и луна в одном лице,
Смеялись в позолоченном чепце.

М. К.

О стихах.

„Гирлянды" Бродского.

Все знают гирлянду цветов.
А это гирлянда настроений и звуков.
У поэта темное тяжелое настроение:
„жертвенный недуг, удушье, язвой старость,
безумья черный круг".

Это темное настроение, как темные цветы, переплетается с светлыми настроениями:

«Всерезвопламенная радость, плеяда добрых рук, снов желанный стук»...

Темные цветы гирлянды скрываются под светлыми цветами радости, которая пленяет поэта,

„как весть бодрящая гонца,
как встреча милого лица"...

Эта гирянда настроений сливаются с гирляндой звуков:

. . . радость
. . . вдруг
. . . чувствительный звук.

. . . старость
. . . добрых рук
. . . мук
. . . черный круг
. . . кольчуг
. . . упруг
. . . желанный стук.
. . . сердца
. . . гонца
. . . лица

* * *

У поэта изменилось настроение.

Он заметил окружающий мир. Он ушел от себя.

„А рядом в зимней спячке бор,
„Короною снегов...
„И в серебристом высоко
„В голубом одеянии ночи,
Луна странник
„Плыл, озирясь пятном,
И повис в парусах полуночи...
И весело поэту:
„И месяц, и луна в одном лице.
„Смеялись в позолоченном венце.

Б. Быховский.

„Неделя“.

Повесть Юрия Либединского.

Не подлежит сомнению, что повесть тов. Либединского—лучшая из написанных во время революции. И характерно, что эта повесть, в отличие от крикливых, неудобопонимаемых, заумных произведений последнего времени, поразительно проста, понятна, не содержит никаких пируэтов и экивоков ни в конструкции сюжета, ни в стилистическом отношении.

Повесть отлично поймет каждый рабочий, а не одни лишь „посвященные“. Простота эта отнюдь—не следствие примитивизма, недостаточной художественности, — напротив, она придает повести и кристальность формы, и убедительность. Ясность об'ясняется весьма просто: у автора есть что сказать, он четко знает, что он хочет сказать, а потому нет нужды вычурно маскировать убогость творчества, вдаваться в стихотворческий формализм и схоластику.

„Интрига“ очень жизненна, ненадумана. Узлом ее является необходимость подвезти в город семена для посевной кампании и использование бандитами отвлечения сил на эту работу для вторжения в уездный город. Вокруг этого развертывается вся динамика повести, рисуется ряд ярких картин и психологических типов. Общепартийное собрание, заседание парткома, уголок вонючего мещанства, вылинявшего учителя, доисторического полковника, сценка из жизни Ч. К., сбор коммунистической роты, обыски, субботник, картинка из жизни подива, бандитский набег, возвращение красных... Все—близкое, родное, пережитое. Вереница типов: коммунистов всевозможного калибра, военных, рабочих, беспартийных, бандитов... Все—живые, реальные, примелькавшиеся образы... Все—необычайно реалистично, правдиво, убедительно. Ничто не высосано из пальца. Тов. Либединский зарисовал наши общие настроения, среди знакомых. В этом—главная прелесть произведения.

Тов. Либединский последователен в своем реализме. Он не избегает „щекотливых“ моментов. Вот вам и жуткие сцены расстрелов Ч. К. раздетых донага людей, вот и разговор о столовой ответственных работников. Но т. Либединский видит не это в правильном свете революционной перспективы. И моменты, „щекотливые“ для навозных жуков мещанства, оказываются вовсе не щекотливыми, а по своему величественны, прекрасны. Убедительность усиливается еще и тем, что для автора нет какого-то абстрактного социализма, бесплотных коммунистов и контр-революционеров. Он описывает не символы, не тени, а живую жизнь, реальных борцов, с их особенностями и различиями. У Пильняка есть коммунист „вообще“—„кожанная куртка“, а у т. Либединского—коммунист интеллигент, рабочий, шкурник, со своими воспоминаниями, переживаниями, слабостями и подвигами.

В чем сила повести? В том, что художник живорисует революционный быт не извне, не со стороны, не как зритель, а изнутри, из самого быта, как участник.

Некоторые полагают, что новой литературе чужда психология, суб'ективные переживания, что новая литература—массова и динамична. Последнее утверждение верно, однако, это не исключает психологичности. Ведь массовость—не отвлеченная стадность, а психологичность—обратная сторона действенности. Либединский сумел преодолеть психологичность в худом смысле слова (ковырянье), и тем не менее дал галлерею тонких психологических зарисовок. Чего стоют противопоставление пути к коммунизму интеллегента и рабочего,—от идеала к классовой борьбе и от классовой ненависти к конечной цели? А психологическая эволюция учительницы? Марксистский анализ—вот орудие этих художественных достижений. Марксистский анализ не как голая схема, мерка, а как мироощущение участника воспроизводимых событий—вот благодаря чему в повести нащупан пульс современности, темп революционного сегодня.

„Завтра под руководством комиссии, волею партии, начнется работа. Завтра в газете статья передовая каждому будет кричать об опасности голода, о необходимости действия! Завтра на митингах и собраниях военкомы и агитаторы расскажут внимательным красноармейцам о том, что если хотят они видеть поля засеянными, нужно пойти рубить дрова! Завтра Зиман со всех складов соберет пилы и топоры, а коммунальное хозяйство мобилизует подводы! Завтра Робейко с великой мукой для горла будет в профсовете проводить предложение о мобилизации членов союзов, а на предприятиях общие собрания рабочих будут выносить неуклюжие резолюции... Завтра.

И через борьбу, труд, работу, поражения, смерть и сомнения бьет через край уверенность и твердость, хлещет непреклонность и безграничный оптимизм. Такой оптимизм может быть только у класса, идущего к победе, класса на его историческом рассвете, у которого день впереди.

„Нам теперь, товарищи, труднее будет... В Исполкоме осталось девять, а в парткоме четыре работника. В политотделе нет обоих начальников, а в Чека—председателя, заместителя и трех работников. Центр нам подмогу не дает, на него надежда плохая. А работа теперь стала сложнее. Мало зерно доставить. Нужно к посевной кампании начать готовиться, и ее провести по всему нашему бездорожному краю. А банды еще окончательно не ликвидированы. Выходит, что нам больше нагрузки взять надо. Взять хотя, к примеру, меня, вот я сейчас председательствую. Это оттого, что нет с нами ни Клямина, ни Робейки, ни Симковой, которые с этой обязанностью справились бы лучше... Так всюду будет, работу убитых примут наши плечи, будет тяжело, но если мы их пример помнить будем, то мы с работой справимся!".

От повести не оторвешься. Оттого, что мы писали пером автора, мы живем и боремся на страницах повести, собою любуемся и себе сострадаем, наши чувства и мысли, уверенность в победе и неопалимый энтузиазм раслиты в героях повести.

Таково это художественное творение большого молодого таланта. *Нашего* таланта.

Повесть напечатана во 2-м альманахе «Наши дни» и в ближайшее время будет издана отдельной брошюрой. Автор, по имеющимся у нас сведениям,—красноармеец, коммунист, примыкающий к группе пролетарских писателей «Октябрь» (по другим сведениям—к «Молодой Гвардии»).

Б. Б.

Б. Твербый

ЛИЛЮЛИ.

(Ромэн Роллан).

Широкий по замыслу, яркий по исполнению, написанный смелыми, густыми мазками трагический фарс Роллана окутан символической оболочкой. Место и время действия, по словам автора,—фантастичны. Действующие лица—сплошь символы. Но для меня красота всякого символизма выявляется в его натурализме. Вот почему обаятелен роллановский „мясной" символизм, гротескная абстракция. Талантливый художник брызжет юмором, едкостью и яркостью буквально на каждой странице. Произведение это недюжин-

ное в наше время, время литературного оскудения. Его стоит прочесть. Но в нем нужно разобраться.

На сцене движется жизнь.

Альтаир.

Что за чудовище, вон там, без головы ступает впереди огромными шагами?

Полишинель.

Тот человек без головы и во главе? Его, мой друг, ты знаешь: это—жизнь. Взгляни на грудь его могучую, как крепость, на ног несокрушимые столбы, на руки, соком налитые, как ветви дуба вековые... Как смерч, несется жизнь... Течет потоком бурным и кровавым. И вместе с нею,задыхаясь, летим и мы, грохочем и стучим. А чтоб ни в чем чувствовать стесненья, последуем примеру мы ее: все головы долой!"

Жизнь не сходит со сцены до конца. На ее кипучем фоне разыгрываются события. Все непрерывно куда-то стремятся, куда-то идут. Всевозможные, разнообразные, всякие. Беспрестанно стремятся и идут,бегут. Впиваются глазами. Тянутся губами. Простирают руки. Вперед! Вперед...

Куда? Зачем? За видением, за илюзией за призрачной мечтой--Лилюли. Толкаясь, обливаясь потом, все гонится за ней.

Альтаир.

Ее все время слышу пред собой: от дерева к другому с песней она летела предо мной. На поворотах узенькой тропинки она мелькнула взору моему, но только к ней я приближался, как исчезала вновь она..

Полишинель.

Обетованный край, возлюбенные дети, всегда на завтра обещают в этом свете...

Маленькой и хрупкой кажется Лилюли золотоволосому юноше Альтаиру. „Как персик вся она... и бархатный и сладкий... кругла, как перепел упруга и плотна..."—для псу подобного Полишинеля. Для крестьянинаЖано ее образ растворяется в „черноземных чудесных полях, пластах земли, как масло жирных..."

Иллюзия царит над всем, опьяняет всех И лишь редко, редко приходится иллюзии звать на помощь страшного непреоборимого урода—общественное мнение.

А того, что делается вокруг, реальной действительности—никто не видит, ослепленные мечтой—ее не замечают. Мечтатель Гильо опережает жизнь. Он восхищается пейзажем... с закрытыми глазами. Ему не интересно взглянуть вокруг себя. Он любуется вымышленным пейзажем.

Выходит толпа детей,окруженная учителями в очках и т. д.

„Ах! вот цветы! весенние цветы!
Вот ящерицы тут зеленые ползут!
Вот первоцвета желтый глаз...

Учителя.

Не разбегайтесь по дороге! Идите в ряд! Не подымайте глаз! Читайте ваши книги!

Дети.

Но мы хотели бы взглянуть, что происходит по дороге!

Учителя.

Все это ни к чему, мы вам потом расскажем. Читайте же, читайте: „Когда прошел по Альпам Ганнибал .."

Дети.

А мы то, мы какие горы переходим?

Учителя.

Не ваше дело. Нам не до вас! Читайте: „Когда прошел по Альпам.."

Вырастут дети и будут Гильо-мечтателями, которые чувствуют все, но не смотрят ни на что, или стоглазами, которые видят все, но не чувствуют ничего,а еще вероятнее—рассудками,слепыми, беспрестанно спотыкающимися и разбивающими носы во имя принципа: «Прямая—кратчайшая линия».

А что, если бы, отряхнув иллюзию, посмотреть вокруг?„Насмешка гнусная! Довольно! Противно мне смотреть и больно!.. Все, что люблю и почитаю, в наряде мерзком и смешном я наблюдаю! Ест мясо человеческое Братство, ведет людей закованных свобода и подгоняет их бичем, утратил зрение рассудок и слабоумным стал Амур. Зачем же жить? Зачем? Мир—тяжело вооружен и и покрыт орденами. Истина—крепко завязана с заткнутым ртом. Бог—в одежде арабского купца выкрикивает у своей тележки:

«Божки, божки! Кому угодно? Для всех и для всего! Обед удачливо сварить, младенца счастливо родить,унять зубную боль иль исцелить ожог, найти утерянную вещь или похищенный злодеем кошелек, улучшить государства управленье, мужскую силу возродить... Божки, пенаты! Умеренная плата! Кто дамы, господа,—еще не покупал? Во избежанье неудач, весьма разумно в наше время всегда хорошего держать в кармане бога... Уступка для семейных! За пару по сто су, три франка штука! Работа первый сорт..."

Но Лилюли рассеивает, как дым, действительность. «Живи ради меня»!—шепчет Иллюзия и... „Мне хорошо, и все вокруг прекрасно... Я вижу новый свет!.. О, жизнь! Я снова обретаю утраченный тобою лик. Как он хорош,как он прекрасен!.." Лилюли укладывает его заснувшего на лафет. И он „на пушке спит—и братство видит в грезах".

Вторая часть произведения рисует подготовление и начало империалистской войны. Святым Себатьяном, святым Юлианом, святым Криспином, святым ваконом, святым

Шопенгауэром и Кантом, святой Мошной и святым Я, дипломатическими уговорами, ораторскими наговорами, божьим откровением, истины удушеньем и лицемерием, лицемерием и лицемерием, мобилизовав жрецов и интеллегентов, Иллюзию и Общественное мнение натравливают друг на друга толпы галлипулетов (французов) и урлюберлошей (немцев). И первыми по мосту, возведенному рабочими для интернационального братства, проходят пушки. Я не буду останавливаться на этом, и отсылаю читателей к рассматриваемой книге.

Но, почему захлопывая книгу—захлопывается мысль? Отчего не продолжает еще долго созвучать ей чувство? Почему ощущается некоторая неудовлетворенность, незаконченность? Отчего так жалко сходит со сцены Полишинель, единственный устоявший, отчего ему остается лишь позорно спрятаться в земле на время свалки? Отчего бесследен и бесцветен образ заметно идеализируемой автором истины? И не показательно ли, что этой идеализируемой Истине приходится бросаться на шею Полишинелю?

Великим недостатком Роллана является то, что убийственно язвя современность, он не видит сил развития, таящихся в ней; бичуя капиталистическую действительность, он не видит перспектив, порождаемых в ее недрах; короче: он не понимает тенденций общественного развития. И оттого ему не на что опереться. У него мерзость в настоящем и ничего в будущем. Он застревает на анархической критике, приближается к мелкобуржуазному нигилизму, остается при бесплодном пацифизме. Он справедливо клеймит социал-демократию, способствующую войне искаженным евангелием от Маркса, но не досмотрел в своей мелкобуржуазной интеллигентности истинно-революционного движения современности. Он не отрешился от отождествления коммунистического движения с неосуществимыми или лицемерными доктринами.

Роллан не дошел до понимания пролетариата, как носителя раскрепощения „Истины", до понимания *не иллюзорного* социалистического завтра. До этого понимания современности в правильном свете доросли Барбюс и Франс, но не дорос Роллан. Вот почему он—идеологический банкрот, вот почему не даст удовлетворения его талантливая книга. Роллан мог бы сказать словами своего Стоглазого: „Смотрю я на него, смотрю я на тебя и вижу все кругом—и тех, и этих: здесь сумасшедший дом". Он негодует, он бичует, но не видит, что выход из сумасшедшего дома перед ним. Приналечь, прижать раз—другой, и дверь распахнется—на свежий воздух социалистического мира.

В. Нодель.

Те, кто сомневаются, пусть эту книгу прочтут.

(Густав Носке. Записки о германской революции).

Германская революция.

Сколько блестящих и скорбных страниц.

Сколько героев и предателей, побед и поражений.

У нас еще нет истории этой революции, написанной рукою честного пролетария, активного революционного борца. Но зато мы имеем книгу, написанную как будто пролетарским вождем, руководителем германской социал-демократии, деревообделочником Носке.

Кто не помнит это имя? В Германии слово «Носке» всегда сопровождается другим—убийца, предатель.

Вот этот Носке, который гордится тем, что он, а не другой, взял на себя роль «кровавого усмирителя революции», написал свои записки о революции.

Вернее было бы их назвать „записками о контр-революции" но... предоставим возможность говорить самому Носке.

Германская революция была для социал-демократов полной неожиданностью. Еще 3 ноября Носке произносит речь и заканчивает ее заявлением: «Вообще социал-демократия была против революции.» Она стремилась не при помощи насильственного переворота, а мирным путем добиться каких либо политических и экономических реформ".

Но революция начинается. Начинается восстанием Кильских матросов. Их усмиряют, посылают представителя германской

буржуазии. Ему на помощь едет представитель соц.-демократической фракции рейхстага Густав Носке.

Как понимает свою задачу этот вождь германской социал-демократии?

Революцию надо приостановить—такова первая мысль, и поэтому „были приняты меры, чтобы в печать не проникли никакие сведения о событиях в Киле“.

И вторая мысль—в Киле революционное движение надо ликвидировать возможно скорее. А потому „я перешел к тем мерам, к каким нужно прибегнуть, чтобы по возможности скорее ликвидировать восстание в Киле“ (стр. 19).

Но революция идет все дальше и дальше. Матросы разносят заразу далеко за пределы Киля. Через два дня уже ясно, «что революционное движение идет безостановочно вперед, что лавировать нельзя. Нужно брать бразды правления твердой рукой“.

И Носке, охранитель чистоты прусской монархии, решается стать во главе революционеров.

Но провозглашению республики в провинции он воспротивился. Он только милостиво соглашается взять на себя пост губернатора и немедленно спешит «выразить глубокое сожаление о превратностях судьбы таких людей, как адмирал Сухон, руководитель флота, увольнения которого требовали матросы“.

Носке по своему прошлому пролетарий—деревообделочник. Но революция ему чужда. Годы мирной работы социал-демократии сблизили его с буржуазией, удалили от рабочей массы. И поэтому с какой то ненавистью он смотрит на революцию и ее деятелей, любовно собирая вокруг себя белогвардейщину.

Рабочих он ругает. С ними он говорит в тоне старого генерала. Им он заявляет: отныне направление дел зависит исключительно от меня, все обязаны подчиняться моим распоряжениям, которые, *впрочем* (!!), будут контролироваться советом» (стр. 21).

Иначе он говорит с офицерами.

«Моей главной заботой было по возможности щадить их самолюбие и чувства каждого из них».

«Революция—это бунт»—не перестает повторять Носке. И поэтому он с первого момента берется за обуздание революции, за противодействие рабочим.

Он помогает бежать принцу Генриху, очень заботится о том, чтобы герцогиня Саксонская могла совершить благополучно свое путешествие. Он старается создать порядок, привлекая для защиты этого порядка не пролетариев, а старое офицерство.

Декабрь—месяц нарастания революционной волны.

Стихийно массы идут на улицу, стихийно солдатские советы берут власть.

Стихийно организуются демонстрации.

Положение правительства Шейдемана становится все хуже. Рабочие хотят иметь советское правительство. Шейдемановцы считают, что ни о каких социальных перестройках говорить не приходится.

И Носке заявляет: «настал момент действовать с оружием в руках». И на вопрос своих товарищей—возьмет ли он на себя роль палача, он отвечает: «отчего же, кто нибудь из нас должен же, наконец взять роль кровавого усмирителя».

И он берется за работу. Он собирает вокруг себя все контр-революционное офицерство, собирает самый отсталый элемент в армию—унтер-офицеров, отказывается от использования старых воинских образований, создает свое вольнонаемное войско.

В эти отряды, по заявлению Носке, «охотно принимались социал-демократы, при чем независимым, конечно, не давали оружия».

«К сожалению, многие из нашей партии не решались вступать в эти отряды»,—заявляет сам Носке,—настолько уж черна была физиономия этих отрядов.

Январьское побоище. Столько грязи было вылито на голову коммунистов, на павших наших вождей. Оказывается, что Носке берет открыто на себя всю вину.

«Независимые подсылали ко мне людей, чтобы позондировать почву насчет освобождения газет за известные уступки, с нашей стороны. Но я не шел ни на какие компромиссы» (стр. 60).

Убивают Либкнехта и Люксембург. Независимый Лансберг подавлен этим событием. Но Носке «смотрел на это гораздо спокойнее».

Берлинские рабочие разбиты. Но революция еще жива. Провинция не хочет вернуться к старому.

Старое должно придти—таково мнение Носке. И он с еще большим рвением берется за искоренение крамолы. Он организует все новые отряды вольнонаемных из унтер офицеров, вручает эти отряды в руки матерым контр-революционерам.

Советы не хотят допустить возврата к старому.

Надо Советы перестроить.

И Носке дает приказ—переизбрать Советы солдат и матросов, при чем «заместителями матросов в каждом округе явля-

ются по крайней мере один штурман или унтер-офицер.“

В марте—новые бои на улицах Берлина. Рабочие еще раз пробуют сбросить власть Носке-Шейдемана.

И Носке, состоящий 25 лет членом союза деревообделочников, отдает приказ:, «всякий задержанный с оружием в руках и оказавший сопротивление правительственным войскам, подлежит расстрелу на месте» (стр. 91).

Начинаются уличные расстрелы безвинных людей. Один из агентов Носке лейтенант Марлоу, расстреливает 29 человек из морской бригады. Его предают суду, но старый суд Вильгельма его оправдывает. Носке осуждает приговор, считает поступок „ужасным“, но все таки «как министр, не мог порицать публично приговор суда».

Носке ликвидирует революцию. Но приходит момент, когда его соратники считают возможным отказаться и от правительства Шейдемана—Эберта. Начинается усиленная подготовка к восстанию Каппа. Носке об этом знает. Но он молчит.

Только тогда, когда уже выступление назначено, он собирает своих офицеров и заявляет им: переворот «добьет государство и уничтожит офицерство» Только это сказал Носке своим офицерам.

Но и на это не пошли его соратники. «Из присутствующих только двое выразили согласие со мной», другие стали возражать.

Таковы этапы революционной деятельности Носке.

Носке до сих пор—ответственный член партии. Он и поныне занимает руководящий пост, городского головы в Ганновере.

Его история—-это истрия партии.

Носке только был смелее других не только в действиях, но и в своих мемуарах.

За это его и надо поблагодарить.

Пусть на вспоминаниях Носке рабочие и трудовая интелигенция изучают глубину падения мировой социал-демократии.

И. Г.

Еписк. В. М. Браун.

„Коммунизм и Христианство“

Тридцать лет американский епископ Браун служил американской англиканской церкви и только к концу своей жизни опомнился и убедился, что все его служение есть ложь, обман и затемнение сознания угнетенных классов общества в интересах паразитов капитализма, одним из которых, по его собственному признанию, до сих пор являлся и он сам. Давно уже сомнения истинности его служения закрадывались в душу епископа, но до последнего времени он не решался ни на крайние выводы, ни на крайние действия.

Два мировых события с чрезвычайной силой подействовали на сознание епископа и положили конец его колебаниям.

Первое—мировая война, второе—большевистский переворот в России. Ужасы и насилия империалистской войны окончательно убедили его в преступности, бессмысленности дальнейшего существования капитализма, заставили его пересмотреть общественные отношения и подвергнуть самой резкой отрицательной критике экономику и политику капитализма, также как и мораль, науку и религию этого общества, последнюю—в особенности. Отвергнув капиталистическое общество, епископ признает великое значение марксизма во всех его учениях и октябрьскую революцию, как величайшее практическое действие к осуществлению коммунизма.

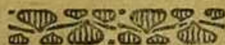
Брошюра представляет собою два письма к товарищам церковникам, стоящим на точке зрения христианского социализма. *Очистите мир для экономической свободы, изгнав богов с небес и капиталистов с земли. Бросьте христианский социализм и станьте коммунистом-марксистом»*—взывает епископ к своим бывшим коллегам по религиозному одурманиванию и оудрачиванию народа.

Но не следует на основании этого призыва торопиться зачислять самого Брауна в коммунисты марксисты. Прославляя и утверждая на словах материализм во всех его проявлениях, епископ на деле во всей брошюре от начала до конца, как по форме изложения, так и по содержанию, остается идеалистом и человеком религиозным.

Сгоняя богов с небес, он обожествляет явления земли и относится с глубоким уважением к религиозным чувствованиям:—«Мой опыт убедил меня, что сентиментальный и поэтический элемент, заключенный в религии, которому я по прежнему придаю много значения, можно также легко пробуждать и поддерживать посредством сосредоточения мысли и симпатии на человеческом спасителе и мученике,—на рабочем классе, как и на распятом божественном спасителе. На ряду с религиозной психологией и чувствами Браун сохраняет и религиозное служение не только в главном его выражении—молитве, но и во всех остальных видах. Отсюда вполне понятно, что изгоняя богов с небес и перенося их на землю, епископ оказывается в необходимости сохранить церковь со всем клиром, и сам епископ, конечно, не находит нужным покидать своего церковного служения. Таким образом епископ производит какую то внутреннюю в духе революцию, от которой на деле ничего не изменяется, и одно из главных установлений старогомира—церковь остается на своем месте, и старый епископ Браун продолжает свою привычную жизнь церковного служителя. Теперь гремите громы коммунистической революции—церковь епископа Брауна приспособилась приспособился и он сам. Как попытка приспособления старых церковников к современному пролетарскому движению и неизбежно грядущему социалистическому обществу и интересна брошюра Брауна.

Но еще интересней то, что вся брошюра говорит о том, что епископу Брауну не только не удалось присобиться, но и нет никакой возможности это сделать. В список марксистской литературы брошюра Брауна не попадет, а пролетарская революция, сметая все церкви вместе с церковниками, сметет и Брауна.

Никакого другого интереса брошюра Брауна не представляет. Поповские раскаяния в многолетнем обманывании народа в настоящее время не редки. В критике же церкви, деизма, капитализма Браун большей частью не оригинален, а там, где оригинален чрезвычайно слаб и не умен и в особенности не умен в своей церковной революции.

Инсаров.

П. К. Бессалько.

К 3-х летию его смерти.

(Родился 1888 г.—умер 15 января 1920 г.)

«И лучшим будет венком, молитвой
Лишь наша клятва, лишь наш обет—
Идти смелей вперед, на битву,
Назад к былому—возврата нет».

Павел Карпович Бессалько был сыном екатеринославского хохла-землероба. Пятнадцати лет ушел он из дома и поступил на один из екатеринославских заводов. Насколько тяжелы были условия рабочего быта того времени, можно судить по двум произведениям покойного писателя: «Детство Кузьки» и «Бессознательным путем», являющимися до некоторой степени его автобиографией. Бесконечный произвол правительства и его пособников - капиталистов пробуждают сознание молодого полуграмотного рабочего и властно зовут его на путь борьбы против поработителей и угнетателей рабочего класса. В конце 1906 года т. Бессалько уже принимает активное участие в революционном движении, вступает в Р. С.-Д. Р. П. (м-ков), в результате—тюрьма, ссылка в Восточную Сибирь, бегство из ссылки заграницу, словом, обычные этапы на жизненном пути политического работника старого времени.

В тюрьме идет усиленная работа над развитием и углублением своего мировоззрения. Но тут же—в процессе работы—наблюдения над товарищами по заключению и теоретические расхождения с ними обнаруживают ту идейную пропасть между рабочим классом и интеллигенцией, которая явилась следствием провала революции пятого года и которая особенно резко сказалась потом, в октябрьские дни семнадца-

того года и, в сущности, не изжита еще и по наши. Полоса этой жизни нашла себе изображение в романе «Катастрофа», начатом еще в ссылке и законченном и изданном во время пребывания т. Бессалько во Франции (после бегства из ссылки). В этом романе т. Бессалько беспощаден по отношению к группе своих героев, записавшихся, чтобы избежать веревки, в «союз русского народа». Он влагает в их уста жалкие слова, которыми они оправдывают свой поступок. Самое же темное в их поведении, в их расколе, в их трусости и лицемерии—не предательство, которого они как бы не совершают, а их классовый инстинкт самосохранения, заставляющий их в решительную минуту порвать с пролетариатом, с пролетарской честью, с пролетарской моралью. «Пролетариат доверял им,—говорит автор предисловия к этому роману:—поклонялся их знаниям, их образованности, влиятельности, так сказать, допускал их «первородство», они были интеллигентами и гордились своей принадлежностью к интеллигенции,—и вдруг, в минуту грозной опасности, когда им предстояло или расстаться с жизнью и со всеми преимуществами своего «первородства», или окончательно духовно слиться с пролетарской массой и тем, рано или поздно, помочь освобождению пролетариата из-под ярма капитала, интеллигенция отказывается, уединяется, начинает сознавать себя, как самостоятельный класс, с особыми интересами личными и общественными, ничего общего не имеющими с пролетарскими интересами».

Но было бы большой несправедливостью обвинять т. Бессалько в пристрастии, в чересчур суровом отношении к интеллигенции. Ибо в том же романе, наряду с интеллигентами-отщепенцами, тов. Бессалько рисует и положительный тип ителлигента-революционера в лице некоего Фомича, убежденного и страстного пророка свободы.

Заграницей т. Бессалько сходится с Луначарским и Ф. И. Калининым, а затем с Богдановым и Полянским и со всей их группой. Там же, заграницей застал его и февральский переворот. То, о чем страстно мечтал герой его повести «К жизни»—рабочий Даров, когда говорил: «Мы еще посмотрим, кто будет из нас победителем! Мы посмотрим!..—наконец, стал, близко к осуществлению. Тов. Бессалько вернулся из эмиграции, побывал на Украине, поработал в Екатеринославе на заводе, а потом, в конце 17 года, приехал в Петроград и, по предложению т. Луначарского, принимается за работу в Наркомпросе. Попутно работает в Пролеткульте, журнале „Грядущее“, где помещает очерки и статьи о пролетарской культуре. К этому времени относится выпуск в свет уже на родной почве его романов: «Катастрофа», «Бессознательным путем», рассказов: „Детство Кузьки“, „К жизни“, пьесы: «Каменщик» и, наконец, совместно с Федором Ивановичем Калининым, сборника статей «Проблемы пролетарской культуры».

Первый биограф, личный друг покойного и вдохновенный продолжатель начатого им великого дела, поэт Илья Садофьев так отзывается о его личности.

„В личной жизни т. Бессалько был очень общительным товарищем; тонким наблюдателем жизни и тонким юмористом в товарищеской беседе.

Умел в беседах с иноверцем с достоинством отстоять свою точку зрения и убедить оппонента в правильности своего взгляда.

В работе тов. Бессалько был упорным и прямолинейным. На заседаниях и собраниях всегда старался и плохое, и хорошее сказать прямо в глаза, что, однако, не мешало ему быть почти со всеми товарищами в самых дружеских отношениях» («Пути Творчества», № 6—7 за 1920 г.).

Был 1919 год. Изнемогая от голода и холода и истекая кровью, боролся русский рабочий против „цивилизованной блокады“. —„Мы еще посмотрим, кто будет из нас победителем! Мы посмотрим!“—эти слова героя повести „К жизни“ были теперь выжжены в сердце каждого истинного пролетария. Твердо памятуя о том, что „не имена, а коллектив творит жизнь“, естественно, не могли остаться „в стороне от схваток“ и те лучшие, которых русский рабочий класс успел уже выдвинуть из своей среды. Вместе с ними с этой „пеной на гребне человеческой волны“, одними из первых бросились на боевой фронт и тов. Бессалько, и т. Садофьев. «2-го октября—вспоминает последний—на ст. Паточная, в политотделе Южного фронта мы получили назначение. Я остался в политотделе фронта, а тов. Бессалько был назначен в политотдел Н-ской армии. Расцеловавшись при прощании, он, указывая на осыпавшиеся листья клена, сказал мне:

— Ты думаешь, они пропадут зря—нет, брат, все будет целесообразно использовано, но и мы с тобой не пропадем и мы будем целесообразно использованы.

«А 20 февраля—продолжает автор воспоминаний, в сводке №-ской армии я прочитал:

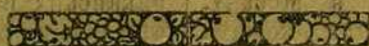
«В гор. Харькове умер от сыпного тифа редактор газеты №-ской армии „Красный Воин“, коммунист петроградской организации т. Павел Бессалько».

Так рано—слишком рано — оборвалась жизнь одного из первых пионеров пролетарской культуры, одного из первых „зачинателей“ пролетарской прозы.

С тех пор прошло три года. Рабочий класс России, прорвав фронт „цивилизованной блокады“, вышел, наконец, на светлый путь куммунистического строительства, на светлый путь пролетарского счастья и солнечных восторгов. На новый светлый путь выходит и пролетарская литература.

Но память о тех, кто был раньше нас и кто пал сраженным за великое рабочее дело,—вечно будет жить в сердцах наших. Большие и малые—они тот самый камень, на котором, по слову Лассаля, зиждется церковь будущего. И мы, живые, мы продолжатели, должны приложить все силы и всю волю, чтобы довести эту постройку до конца.

«К. Г.»

Клод Мак-Кэй—негр-поэт.*)

Клод Мак-Кэй, негр-поэт, делегат IV Конгресса Коминтерна, родился в 1890 году на острове Ямайка, в крестьянско-негритянской семье. Тропический остров, облитый ярким солнечным светом, звуками, цветами и горячими чувствами его обитателей, наложил яркую печать на его раннее творчество.

Красивая, но тропически беззаботно счастливая жизнь начала представляться мальчику в другом свете, когда он, подрастая, увидел то рабство, в котором находился народ. Много помогла ему мать — сердечная, добрая,умная женщина. Она рассказывала сыо том времени, когда их родное племя жило еще на Мадагаскаре и находилось в «диком состоянии». От матери он узнал, как их похитили, погрузили на корабль и повезли на невольничий рынок в Ямайку. Также от матери узнал он—и это зажгло в нем чувство революционера—о том, как члены его собственной семьи проявили единодушный и сильный протест при продаже их с аукциона. В руках у них было единственное оружие: угроза покончить самоубийством, если их продадут порознь. И так торжественно было сделано это заявление старым седовласым негром, что никто не решился покупать их в одиночку, и они были проданы всей семьей в Кларендон.

Сам Мак Кэй до 1906 г. учился в туземной школе и помогал в полевых работах. По окончании школы получил степендию и поступил в профессиональную школу в Кингстоне—столице острова, где два года обучался столярному и колесному ремеслам. Режим школы ему не понравился, и он ушел работать на спичечную фабрику. Узнав о болезни матери, вернулся к себе в деревню, и после смерти ее, не поладив с отцом, ушел в город и поступил на службу.

Ранние его стихи, песенки, частушки, написанные на местном диалекте, сразу стали очень популярны на острове. Творчеством его заинтересовался богатый английский турист, приятель ямайского губернатора, любитель местной поэзии. Англичанин издал стихи Мак-Кэя и предложил ему поехать в Америку, в сельско-хозяйственный институт, с условием, чтобы по окончании курса Мак-Кэй вернулся в Ямайку и обучал бы крестьян более интенсивным способам земледелия. В институте учился два года. Пестрая разнообразная жизнь Америки привлекала Мак-Кэя больше, чем Ямайка, с ее чисто колониальными формами эксплоатации негритянского труда. Он отказался от помощи своего «благодетеля» и остался в Америке. Получить квалифицированную работу он, как негр, не мог. Работал чернорабочим на постройке железных дорог, литейных заводах и пр.

Возмутительное отношение американцев к неграм пробудило в нем чувство расовой обиды. Он начинает участвовать в различных расовых негритянских организациях. В 1914 году попадает в Нью-Иорк. Все свободное время посвящает борьбе за освобождение негров и поэтической работе. Стихи его обратили на себя внимание редактора радикального журнала „Моссы“ — Макса Истмана. Мак-Кэй знакомится с социалистическими организациями, оставляет точку зрения расовой борьбы и переходит на позицию борьбы классов, как на более верный путь к освобождению негров. В 1917 году, со вступлением Америки в войну, он был призван на военную службу, но скрывается.

*) По заметкам в М. „Известиях“ и „Красной Ниве“.

Поступает официантом в вагон-ресторан. Стихи его все больше и больше привлекают к себе американских издателей. Печатаются в журнале Пирсона „Литератор". В 1919 году он переезжает в Англию, где участвует в работе среди негров, вернувшихся с войны. Вместе с ними он возвращается в Америку.

На конференции негритянских организаций в 1922 году возник спор об отношении Америки к России. Негритянские массы заинтересовались первой пролетарской республикой, и Мак-Кей отправляется в Москву. До Англии он добирается, работая кочегаром на пароходе, а оттуда отправился вместе с делегацией Коминтерна на IV конгресс Коминтерна. Мак-Кэй принимает участие в работах по колониальному вопросу и выступает содокладчиком о положении негров.

По окончании конгресса Мак Кэй принялся за подготовку книжки о положении негров в Америке. Одновременно Мак-Кэй собирает материал для книги о Советской России, специально для распространения среди негров.

Произведения Мак-Кэя печатались в американских и английских журналах и вышли отдельными сборниками.

Стихи Клод Мак-Кея.

(Перевод П. Охрименко).

ПРИЗЫВ.

По земле, свои мышцы напрягшей,
Несется безудержный грохот жизни.
И дрожат ее недра от натуги безмерной,
И страшная буря ревет,

И пронизывают небо за молнией молния,
Зажигая тревогой сердца людей.
Погруженная в сон многовековой,
О, проснись, моя родная Африка.

На востоке алеют тучи
Небывалым рассветом грядущего,
И величие его разливается
Золотом по небу запада.

О, вставайте от сна,
Мои братья и сестры,
Ибо корчится, в муках рождая, земля,
И мертвые из гроба подымаются,

Облекаются плотью скелеты,
И с лица спадает маска могилы,
И становятся мудрыми множества,
Даже и неразумные дети.

А земля стонет в муках рожденья
Нового, сильного мира.
О, мои братья, спавшие века,
Проснитесь и взор на восток устремите.
Ночь соблазняет спать непрерывно,
Но день—работать для счастья детей.

Из чащ и лесов глубоких, первобытных,
Где леопарды во мраке таятся,
Подними веки, сном отягченные,
О, Эфиопия, проснись!

Если нам суждено умереть.

Пусть суждено нам умереть в мученьях,—
Мы встретим смерть, как люди, не как свиньи,
В хлевах запуганные, на замке позорном,
Собаками оцепленные злыми.
И если суждено нам умереть,
Умрем с достоинством, упорно защищаясь,—
Чтоб не напрасно пролилась кровь,
Чтоб с уваженьем враг взглянул на мертвых.
О, земляки, мы вместе выйдем в бой,
Хотя и мало нас, проявим храбрость.
На тысячи опущенных ударов—
Один опустим, но удар смертельный.
Там впереди нам вырыта могила,
Но что нам до могилы, если мы
Хотим убийц позорных встретить смело
И, обреченные, ударим на удар.

И. Г.

Франц Меринг.*)

30 мая 1914 г., в самый разгар германского революционного движения скончался почти 75 летний старец социалистического движения *Франц Меринг.* В истории революционного движения последних лет, имя Меринга неизменно стоит рядом с именами Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Утомленный долгими годами упорного научного труда и жестокой революционной борьбы продолжительным тюремным заключением уже в последние годы жизни, Меринг не вынес тяжелой трагедии смерти (14-го января 19 года) своих ближайших друзей и соратников. Смерть „Красной Розы“ и отважного Либкнехта ускорила смерть старого Франца.

Замечательный ученый, блестящий историк, завоевавший себе прочное место в германском буржуазном ученом мире, он как раз в самое тяжелое время для германской социал-демократии, в то время, когда буржуазная Германия обрушилась на пролетарское движение, в конце семидесятых годов 19 в., исключительными закрепительными законами против социалистов, порывает со своей блестящей карьерой в буржуазном мире и становится в ряды решительнейших руководителей пролетарского революционного движения.

В августовские дни 14-го года, когда в противовесс разворачивавшемуся над всем миром черным знаменем империалистической войны Карл Либкнехт выбросил красное знамя революционной борьбы с империалистической войной и с буржуазным миром, Меринг разделил с ним всю опасность и весь трагизм исключительного одиночества во мраке охваченной шовинистическим и милитаристс им угаром Германии.

По окончании войны мужественный старик, с открытым лицом и седой бородой, рядом с юношески пылким Либкнехтом, оказывается в самой молодой и самой революционной группе социалистического движения, в группе „спартаковцев“. Но еще до войны, лет пятнадцать тому назад, когда борьба между революционной социал-демократией и социал-демократией парламентского действия и реформ приняла характер решительной борьбы между действительно пролетарским революционным движением и мелко-буржуазной боязнью революции, Меринг ясно определил свою революционную линию и выявил свой революционный дух.

Меринг вступил в социалистическое движение не задолго до смерти Маркса и явился прямым продолжателем не только его революционной деятельности, но еще в большей мере его ученной работы, как раз в той области, которую Маркс, отдавший подавляющую часть своей ученой работы экономическим вопросам, не смог разработать с достаточной полнотой.

В области марксистской исторической науки Маркс дал непревзойденные образцы в своих небольших исторических работах, имеющих эпизодический, случайный характер. Дух глубокого Марксова проникновения в историческое движение витает над блестящими историческими работами Меринга.

Меринг—действительный творец марксистской истории и вместе с тем исключительный историк марксизма, об'являющий это глубокое историческое движение во всех его многообразных проявлениях и разветвлениях его замечательная по своей научной глубине и исторической широте четырех-томная история германской соц.-демократии—неисчерпаемый источник исторических знаний и надежнейший фундамент для исторических построений настоящих и будущих марксистских историков. Глубокая научность Меринга сочетается с чрезвычайной простотой, изяществом, постоянной умностью и блестящей остроумностью изложения.

Вообще чрезвычайно доступный, понятный в своих глубочайших научных работах Меринг, полный забот о просвещении рабочего класса, еще больше популяризирует свою излюбленную науку в лекциях для рабочих, проявляя на ряду с популяризаторским, блестящие таланты оратора и педагога. Написанная, Мерингом для рабочих история Германии с конца средних веков ляжет в основание марксистской педагогики преподавания истории. Блестки своего научно-исторического гения Меринг разбросал в массе отдельных научных и публицистических статей, полное и систематическое собрание которых явится крупнейшим вкладом в современную науку.

Но Меринг не только историк вообще, но и замечательный историк литературы, сочетающий исторический талант с глубоким пониманием искусства, и даром чрез-

*) Русский пролетариат очень мало знает о ближайшем соратнике Либкнехта и Люксембург, Меринге. Поэтому мы считаем нужным поместить статью о Меринге.

звычайно тонкой и меткой критики литературных и иных произведений искусства. Книга его «Легенда о Лессинг» несомненно виднейшее произведение немецкой истории литературы и литературной критики. Там и сям разбросанные Марксом заметки о германской и западно-европейской литературе обличают в нем не только глубокого знатока мировой литературы, но и чрезвычайно тонкого критика. Даже случайно оброненные Марксом замечания о таких корифеях мировой литературы как Шиллер, Гете, Вольтер, ослепляют поражающее блеском мыслей, прорывающихся сквозь тонкие, полные необычайного ума намеки. Литературные работы Меринга блестяще закладывают основание для настоящих и будущих историко-литературных работ марксизма и марксистской литературной критики. До последних дней своей жизни Меринг, проявлял трудоспособность и трудолюбие, свойственные гению. Грандиозная работа проделана Мерингом по историческому исследованию работ Маркса, Энгельса, Лассаля и по историческому их об'яснению. Переписка Маркса, Энгельса, Лассаля и их друзей и противников приобретает особую яркость и значение в масельной раме Менгеровских об'яснений, поражающих колоссальной ученостью самого Менгера.

Грандиозным и достойным завершением грандиозной научной деятельности Меринга является его биография Маркса. Доподлинная энциклопедия современных знаний в области общественных и философских наук, она черту за чертой воскрешает образ Маркса, окружающую его обстановку и людей с полной не только научно-исторической но и обыденно жизненной ясностью и простотой. Влюбленный в гениального учителя подавляющей массы современного человечества, Меринг дает правдиво человеческий образ во всех его положительных и отрицательных чертах. В лице Меринга Маркс действительно нашел достойного его биографа.

Франц Меринг—грандиозная, еще не собранная во всех своих частях, еще необ'ятая и, не изученная историческая фигура революционной и ученой Европы второй половины 19-го и первого двадцатилетия 20-го века. Какое счастье иметь его в числе своих учителей, соприкасаясь с его духом, проникать в глубину действительной науки, исторического прошлого, приобщаться к революционным устремлениям тянущегося к свободе человечества.

Минск, 1 февраля 1923 г.

Ник. Асеев.

Литературная Москва.

I.

Новости сезона.

Как основную характерную черту нынешнего литературного сезона следует отметить повышенное внимание к быту, к видоизмененным революцией формам уклада жизни обывателя, к смешному выявлению и зарисовке характеров и типов тех новых людей, которые сменили героев старой литературы.

Писатель—как бы вживается, внедряется в эти новые условия, пристально всматривается в новые лица,—а их так много и так по иному приходится их закреплять. Поэтому большинство из молодых писателей прибегает к средствам отрывочного импрессионистского мазка, записи иногда хроникерской, иногда анекдотичной—лишь бы отметить, занести в память века тот или иной характерный штрих, то или иное неожиданное изменение, соединение двух, раньше несовместимых, или совершенно не соблюдавшихся коллизий.

Можно без преувеличения сказать, что современная литература вся целиком—лишь огромная записная книжка, систематизировать и об'единить записи которой дано будет тому большому писателю, которого выдвинет окрепший и отдохнувший от борьбы классо-строитель.

Однако некоторая систематизация в самом литературном быту уже намечается. Группируются писатели вокруг издательств, вокруг журналов, выпуск которых наладился, входит в норму оплата писательского труда, книжное дело крепнет и развивает-

ся, оставив далеко за собой уровень его довоенного развития.

Из издательств, прочно ставших на ноги, следует отметить „Круг“, „Новую Москву“, „Кузницу“, имеющих дело с наиболее значительными литературными силами молодняка, выдвинутого революцией.

„Кругом“—об'единены беллетристы „Серапионовцы“, а также ряд писателей, к ним не принадлежащих, но работающих в том же направлении—отражении быта новой России.

Из новинок в литературе следует отметить в первую очередь очень интересную повесть А. Малышкина, „Падение Даира“, напечатанную в 1-м альманахе „Круга“. Интересны рассказы Н. Никитина, выпущенные Госиздатом. Н. Никитин—один из наиболее молодых писателей кружка Серапионовых братьев. Его приемы — приемы „формального метода“, в которых сказывается заметное влияние В. Шкловского, в свою очередь весьма сильно тяготеющего к В. Розанову. Несколько неприятна, некоторая учащенность эротических отступлений у Никитина, что ослабляет впечатление от сильной в общем и подающей большие надежды манеры его письма.

Б. Пильняк оканчивает новую повесть „Черный хлеб“, которая появится во втором альманахе „Круга“. Значительным явлением должно считать вещь молодого беллетриста В. Либединского, впервые выступающего в „Наших Днях“, отзыв о которой дан в „Правде“ т. Бухариным.*)

*) Отзыв о повести В. Либединского наши читатели найдут в сегодняшнем номере.

Из новинок усиленно говорят о романе С. Буданцева „Мятеж“, который должен появиться в следующем альманахе „Круга“. В том же издательстве печатается отдельной книгой повесть С. Григорьева „Васса“, весьма художественная, хотя и интеллигентски утонченная в психологическом смысле вещь.

„Кузницей“ выпущена прекрасная книга рассказов. Н. Ляшко „Железная тишина“. Автор—рабочий-металлист, острый и наблюдательный талант, к сожалению, уже не имеющий того интеллектуального запаса, который накопляется поколениями у властвующего класса. Поэтому в Ляшко есть и срывы в риторику, в излишнюю нравоучительность. Но, думается,—эти недостатки автор в скором времени пополнит и жизненным опытом, и усиленным самообразованием.

В выходящих на днях журналах следует отметить идущие в 1-й книге „Красной Нови“ автобиографические записки М. Горького, рисующие его детство, и в „Печати и Революции“ (Январьском № 1) очень интересную статью Б. Арватова—«О синтаксизе В. Маяковского». С огромным интересом читается блестяще сделанная повесть О. Генри, идущая окончанием в следующем № „Современного Запада“.

Как читатель, верно, уже заметил, из вышеперечисленных имен — большинство имен малознакомые, быть может, впервые встречающиеся. И однако это—имена новой литературы, пришедшей сменить замолкшие голоса, имена, выдвинутые революцией, с нею выросшие и ведущие новую летопись ее сложных, трудных и радостных дней.

Хрисанф Херсонский.

Белорусский театр.

Я только что впервые познакомился с национальным белорусским театром в Минске.

Быть может, первый весенний дождь после зимы, утомившей скупым однообразием—производит особенно радостное, привлекательное впечатление, как молодость, как песня в солнечных лугах после каменного удушья города.

Весенний дождь.

На спектаклях «На купальле» и «Машека» на меня хлынул поток необычных в рядовом театре весенних впечатлений—жизнерадостность, неизжитый, непосредственный романтизм, какая-то увлекающая, вся танцующая музыкальность, солнечность.

Обаяние народного творчества.

В жизнерадостной юности белорусского театра двоякое драгоценное значение:

в смысле общественном

и художественном.

* * *

Рядовой профессиональный театр находится в руках ремесленников своего дела. НЭП ставит почти все наши частные театры в необходимость быть торгующими предприятиями. Это связывает руки художникам подвижникам в их лабораторной работе и развязывает руки спекулирующим на искусстве предпринимателям, относящимся к произведениям культуры и искусства, как к ходкому товару, которым можно торговать оптом и в розницу, распивочно и на вынос.

Старый буржуазный строй воспитал и передал нам в наследство театр, как торговлю развлечением, и актера не типа идейного общественного деятеля, а актера ремесленника, безличного ко всему, кроме узких интересов театральных кулис. Такой актер не может творчески удовлетворить наши новые требования. И часть современной публики, наполняющая преимущественно торгующие театры, то-есть, мелкий городской буржуа, полуинтеллигент, уставший служащий, ищущий неутомительного развлечения, или обыватель—самодовольный бездельник в общественном смысле,—эта публика и сейчас содержит на счет своих вкусов и своего кармана актера-ремесленника.

Нам его не нужно.

Он—не спутник нам в культурном революционном строительстве.

И в старом, и в новом театре актеры-подвижники редки. Но и те, которые есть, в большинстве своем подвижники только «художественные», изобретатели новшеств в близоруком кругу интересов „искусства для искусства".

Актеры-подвижники в общественно-идейном, в культурном значении искусства насчитываются единицами. Их молодые организующиеся группы надо приветствовать и поддерживать. В их деятельности—залог того, что будущий театр будет органической частью нового общественного коллектива, частью общего трудового, политически сознательного и богатого творчеством народного организма.

Молодежь Белорусского театра стоит на пороге к тому, чтобы стать одним из таких коллективов. У нее для этого есть и силы, и искренняя идейная любовь к культуре, и, главное, должно быть идейно-общественное сознание значения своей работы.

На эту последнюю задачу, которая становится первой для молодого государственного театра в Рабоче-Крестьянской Республике, должны обратить особое внимание местные советские культ. органы и партийные деятели.

То, что трудно дается старым ремесленникам, более по силам молодым, идейным работникам, воспитывающимся эпохой революционного строительства.

* * *

В художественном смысле бодрая жизнерадостность, которой непосредственно насыщены спектакли Белгостеатра, — является именно той новой психической основой художественного творчества, которую надо приветствовать.

Наша жизнерадостность—первое, чего требует от нас революция.

Работники художественного труда: литераторы, музыканты, поэты, актеры, в этом отношении должны быть на первом месте.

Ведь они,—наш эмоциональный авангард. Они организуют не только свои, но и массовые мысли и чувства.

Белорусский театр в этом отношении стоит на правильном пути. На всех его спектаклях, которые я видел, я был необычайно взволнован тем, как весь зрительный зал горячо, радостно соучаствовал в действии на сцене. Энтузиазм аплодисментов, общий под'ем, реплики во время действия, то дружный заразительный смех, то общий порыв сочувствия к „Машэке" и его товарищам, то взрыв негодования или веселая насмешка по адресу насильника и его прихвостней все это прекрасно показывает, какую роль играет этот театр для своих зрителей.

Я наблюдал расходящуюся из театра публику, и думаю, что вся она должна быть благодарна своему театру за то самочувствие, за ту жизнеспособность, которую он в них вызывает.

Сравните с рядовым театром, с влиянием на массу сюжетов и манер игры в пьесах всех вам знакомых: „Ночной туман", «За океаном», «Осенние скрипки», «Дни нашей жизни», «Привидения» и т. д., все эти сумеречные пьесы или ремесленную искусственную игру актеров.

Какой контраст!

Рядовой театр жив в лучшем случае сумеречным Чеховым, мучительным Андреевым, а в большинстве—„драмен-махерами", которые, бездарно подражая им, достигают только болезненного неумного ковырянья нервов, часто без всякого смысла и без исхода.

А белорусскому театру одна дорога к новому Гоголю или к образцам Мольера, комедии Шекспира и к пьесам революции, не в передаче „нытиков и „бандитов", а через творчество счастливое, солнечное, побеждающее, воодушевляющее.

* * *

Переходя к оценке отдельных пьес, необходимо отметить последовательное развитие в репертуаре театра. После поэтичной, но еще юношеской пьесы «На Купальле» Кудельки, в которой самое лучшее это—ее лирика и музыкальная и певческая мелодичность, заимствованная из народного эпоса, в «Машэке» Мировича мы видим уже расширение кругозора и главным образом значительное развитие драматической стороны и драматургического уменья. Если «На Купальле» это почти что только оживленная живая картинка, исполняемая хором, то в «Машэке» потребовалась уже от актеров сложная и содержательная игра. Несколько ролей даны драматургом так умело, что за их исполнение взялись бы с охотой самые умелые, избалованные актеры, как, например, роль Машэки и под'ячего.

Материал репертуара белорусского театра пока еще очень элементарен. Несложные легенды на фоне песенок и плясок—это только первые шаги. Я считаю уже недостатком «Машэки», что в пьесе совершенно не показан трудовой быт, нищета и рабство подневольного крестьянства того времени. Все еще преобладает увлечение, так сказать «концертом в костюмах», отчего и костюмчики все—точно с выставки, игра не везде разработана, и сюжет в целом ближе к романтической сказке, чем к реальным темам быта и революции.

Пьеса «На Купальле» чутко отражает национальные настроения. В особенности характерно это общее искание всеми действующими лицами своей «ветки счастья»—своего возрождения... Этот порыв конечно возмужает и белорусский театр будет иметь пьесы где пробуждающийся «мужицкий» народ заговорит о себе уже во весь голос трудящегося гражданина—революционера в более широком масштабе.

Начало положено, театр ждет пьес, и по тому увлечению, каким окружают свой театр культурные белорусские круги и равно вся его хотя и немногочисленная аудитория—можно сказать с уверенностью, что пьесы эти будут.

А пока на очереди лучший интернациональный репертуар. К нему необходимо прибегнуть и в интересах развития мастерства театра, и в интересах края, который в своем театре имеет единственное начинание добросовестного культурного подхода к искусству. Нужны Мольер, Шекспир, Гоголь, Островский. Можно поставить и хорошую мелодраму. Из современных пьес вполне по силам «Сполошный зык» Юрьева, хорошая, умно построенная революционная пьеса. В дальнейшем, на ряду с более легкими вещами, как «Адвокат Пателэн», старинный французский народный фарс, комедия «Разбитый Кувшин» Клейста, «Шемякин Суд» сатирическая пьеска П. А. Попова—Можно будет готовиться и к таким более серьезным вещам, как напр. «Посадник» А. Толстого, «Золотой Петушок» Римского Корсакова по Пушкину, *) м. б. «Жакерия» Мериме.

* * *

В труппе театра кроме актеров профессионалов, среди которых выделяется на первый план Григонис, заметны молодые способные силы Из них при умелом руководстве режиссера могут образоваться хорошие актеры. Назову Ржатскую, Новик; очень артистично поет Александрович, еще совсем не раскрывшаяся в драматической игре. Среди молодежи в миниатюрных ролях видны хорошие данные. Если принять во внимание, что значительная группа способных учится в Москве под руководством Валентина Смышляева, талантливого и культурного руководителя, то можно надеяться, что в будущем театр будет располагать вполне удовлетворительной труппой, а современем у него появятся и такие артисты каких имеет украинский народ, тоже в своеобразном национальном театре, в лице напр. Крапивницкого или Марии Константиновны Заньковецкой, которую самые строгие критики, как напр. Лев Толстой, ставили рядом с Марией Николаевной Ермоловой и Верой Федоровной Коммиссаржевской.

Относительно общего уровня исполнения, можно сказать с уверенностью, что за чрезвычайно малое время достигнуто много и что очевидно, в лице своего руководителя Мировича, труппа имеет не только постановщика, но и режиссера—воспитателя. Очень хорошо также и то обстоятельство, что актеры тренируются одновременно и в пении и в драме и в танце: Лучше всего поют. По характеру национального театра для обучающихся в Москве нужно рекомендовать связь с ближайшими помощниками К. С. Станиславского по его работе в оперной студии.

---

*) Упрощенная постановка опер это одна из счастливых возможностей Белгостеатра благодаря его певческим силам и музыкальности. «Золотой Петушок» превосходная юмористическая революционная опера (надо пользоваться восстановленным текстом по автору, а не по царской цензуре).

В Москве „Золотой Петушок“ в постановке К. В. Эггерта с большим успехом шел под рояль в исполнении драматических актеров, молодежи. и т. д.

* * *

В отношении постановочном главный недостаток это—балет. Он ни в какой связи не находится с национальным театром. Я говорю об этих беспомощных русалках, поданных в стиле конфектного бездарного рынка. Без такого их исполнения пьесы только выиграли бы. Как например сценического изображения русалок, которое подошло бы здесь, укажу на постановку „Балладины“ Словацкого в первой студии Моск. Художественного театра. Для постановки всей балетной части театру надо-бы обратиться в Москву, где сейчас лучшим специалистом балета национального славянского стиля является Рябцев.

Затем надо сделать пробы реформы декораций; то, что я видел, выполнено вполне грамотно и иногда со вкусом, но по очень старым штампованным образцам в смысле основной техники, так назыв., „вещественного оформления“ сцены. Необходимо усилить и усовершенствовать также всю световую часть.

* * *

Совсем плох оркестр. Небрежное, ремесленное исполнение. Этот оркестр отнюдь не работает в содружестве со всем тем, что происходит на сцене, а как-бы служит ей без всякой охоты.

Лучше всего было-бы организовать оркестр из национальных народных инструментов: цимбал, скрипок, дуды, старинных домр. Тогда спектакль носил бы более совершенный оригинальный характер в целом.

* * *

Еще некоторые недостатки, бросающиеся в глаза, но уже не в постановочной, а в обстановочной части театра.

Старый нелепый занавес надо заменить национальной драпировкой целиком до верху. И прежнего совсем не показывать; сейчас происходит неприятное, режущее глаз смешение стилей.

Так-же в национальном стиле надо-бы отделать внутреннее убранство театра: зала, фойе.

* * *

В общем, белорусский театр на интересном пути развития, и при поддержке не только государства, но и всего местного населения, сможет в дальнейшем вырасти в очень ценное, вполне оригинальное и творческое культурное достижение.

На очереди необходимо организовать его периодические поездки в другие местности Белоруссии и связаться ближе со всем, преимущественно крестьянским и рабочим, населением, для чего мне кажется правильным было-бы устроить при нем музыкальную, хоровую и драматическую студию-мастерскую для детей и юношества рабочих и крестьян из деревенской глуши.

Пусть вся рабоче крестьянская Червоная Беларусь строит в своем театре свою культуру и искусство, тогда он будет достоин и белорусского народа, и великой пролетарской Революции.

НАУКА и ТЕХНИКА.

Полярная экспедиция Амундсена.

В средине декабря прошлого года радиостанции в Северной Америке и Японии приняли телеграмму с парохода «Мод» от капитана Амундсена, знаменитого норвежского исследователя полярных стран, летом 1922 года возобновившего деятельность норвежской полярной экспедиции в Северном Ледовитом океане.

В 1911 г., как известно, Амундсену удалось первым, после долгого и тяжелого пробега на лыжах, достичь Южного полюса, опередив на несколько месяцев английскую экспедицию Скотта, тоже достигшего полюса и погибшего с двумя спутниками на обратном пути. В 1919 г. Амундсен отправился в новую полярную экспедицию, на этот раз в Северный Ледовитый океан.

Экспедиция, снаряженная на средства норвежского правительства, была задумана давно, но война задержала ее отправку, и лишь в июле 1918 года «Мод»—новое полярное судно, построенное Амундсеном по

образцу знаменитого нансеновского „Фрама", оставила берега Норвегии и ушла в Северный океан.

Экспедиция носила чисто научный характер. Путь ея был намечен на восток, вдоль северного побережья Европы и Азии; она должна была произвести ряд исследований и измерений—океанографических, метеорологических, магнитных и иных и была снабжена большим количеством научных приборов. В число членов ее входил ряд известных норвежских исследователей северной природы. До наступления зимы «Мод» благополучно доплыла до северной оконечности Азии—мыса Челюскина, где экспедиция и остановилась на первую зимовку.

Весной обнаружилось, что судно затерто льдами. Пришлось дожидаться, пока ледяной покров разойдется; 12 сентября 1919 г. море освободилось, и „Мод", не смотря на наступление полярной зимы, ушло к Ново-Сибирским островам. Вторая зимовка состоялась на острове Айон, недалеко от устья реки Колымы. В июне 1920 г. экспедиция обогнула Чукотский полуостров, прошла Берингов пролив и благополучно достигла американского города Ном, на побережье Аляски. Таким образом, Амундсену, сравнительно быстро и легко, удалось пройти знаменитым северо-восточным путем, на котором погибло немало полярных исследователей;—впервые он был пройден целиком экспедицией Норденшильда в 1878 году.

Дорогой экспедиция произвела ряд ценных наблюдений и изысканий, но результаты ее не удовлетворили Амундсена и его спутников. Люди были полны бодрости, запасы топлива и продовольствия были еще велики, и решено было продолжать плавание. Но разные препятствия, в том числе недостаток матросов, для пополнения которых Амундсену пришлось с'ездить в С. Штаты, т. к. из белых обитателей Аляски, переживавших новый период золотой горячки, охотников обрекать себя на полярные испытания за 300 долларов в месяц не нашлось, да и моральные качества их были недостаточно высоки,—задержали от'езд экспедиции до 30-го июля 1922 года.

В декабрьской радиотелеграмме Амундсен сообщает, что он и его спутники живы и здоровы, и что «Мод» находится в открытом море среди льдов под 70 гр. 20 мин. северной широты и 173 градуса западной долготы, восточнее острова Врангеля. По этому пути в 1880 г. была отправлена Гордон Беннетом экспедиция на пароходе «Жанетта»—которая должна была отыскать Норденшильда. Но эта экспедиция не нашла Норденшильда и погибла сама.

«Жанетта» затонула у Ново-Сибирских о-вов, а экипаж, заблаговременно оставивший судно, умер от голода в ледяной пустыне. Экспедиция Амундсена на этот раз ставит своею целью достичь северного полюса.

В основу проекта положена идея, осуществить которую впервые пытался Нансен на своем „Фраме" в 1893—1895 годах.

Сущность ея сводится к тому, чтобы, воспользовавшись течениями, переместить судно, хотя и окруженное движущимся льдом, как можно далее на север и из конечной точки отправить с судна на полюс экспедицию на санях и на лыжах. «Фрам» остановился в 600 километрах от северного полюса; Нансену удалось пройти еще 400 килм. на север, но крайне тяжелые условия путешествия принудили его вернуться обратно.

Амундсен надеется значительно ближе подойти к полюсу и не со стороны Сибири, а со стороны Северной Америки—где, по его рассчету, течения более сильны и проходят сравнительно недалеко от северного полюса. Само по себе достижение той северной точки, где сходятся меридианы земного шара, не представляет уже значительного интереса, т. к. северный полюс был уже „открыт" в 1909 г.—американцем Робертом Пири.

Главною целью экспедиции являются научныя исследования—новые и проверка старых данных, установленных Нансеном. (Экспедиция Пири имела незначительное научное значение). Со времени путешествия Нансена прошло уже около 30 лет; за это время возник ряд новых вопросов, требующих разрешения, а методы исследований—океанографических, геофизических и метеорологических—значительно усовершенствовались, особенно последния, в связи с возникновением и развитием новой науки—аэрологии. Одной из важнейших задач экспедиции является установление рельефа дна Северного Ледовитого океана. Измерения Нансена оказались для этого недостаточными.

В настоящее время господствует мнение, что дно Северного океана лишено возвышенностей и больших глубин и представляет собой ровную однообразную поверхность.

Экспедиция Амундсена в изобилии снабжена новейшими измерительными приборами—термометрами, лотами, аппаратами для определения количества тепла, излучаемого в пространство, для изменения земных магнитных сил, температуры морских глубин и т. д.

Одной из задач экспедиции является и наблюдение северного состояния в высоких широтах, где его вертикальная протяженность достигает 600 километров. Выход судна экспедиции из полярных льдов предполагается на северо-восточном побережье Северной Америки или в Гренландии. Норвежское правительство, на средства которого снаряжена экспедиция, заблаговременно устроило в этих местах ряд складов продовольствия и материалов.

В связи с именем Амундсена, вспоминается имя его неудачного, и героического соперника—Скотта.

Недавно в Англии, одним из спасшихся участников экспедиции—Шерри-Гаррардом, издано двухтомное сочинение «The Worst jorney in the word Antractic», подводящее итоги экспедиции Скотта. Книга великолепно издана, снабжена многочисленными картами, рисунками и фотографиями и дает подробную историю путешествия и яркое и полное описание природы южно-полярной области. Последняя глава ея повествует о трагической гибели Скотта и его спутников. О том, в каких условиях приходилось путешественникам передвигаться по полярным пустыням, можно судить по следующему описанию.

„Было темно и это очень мешало нашему продвижению. Мы тронулись в путь, но были не в состоянии тащить за собою двух санок одновременно. Но света все же было достаточно для того, чтобы различать на снегу глубокие следы от наших ног. Мы брали с собой сначала одни сани, потом, пройдя с ними небольшое расстояние, возвращались по следам назад и волокли другие. Около одиннадцати часов дня воцарилась полная тьма, и мы принуждены были бродить по снеговым полям с зажженными свечами, которые часто потухали.

Наступившая ночь была ужасна. Мои спутники и я лежали на снегу в спальных мешках из оленьих шкур, содрогаясь от холода. Когда мы говорили друг с другом—зубы у нас громко стучали. Температура достигла 107 градусов ниже нуля—по Фаренгейту».

Скотт и два его спутника—Боверс и Вильсон погибли во время снежной бури и тела их остались лежать там, где их застигла смерть—в походной палатке среди бесконечной ледяной равнины.

Скотт почти до последней минуты производил записи в своем дневнике.

История гибели этих простых и смелых людей производит очень сильное впечатление и укрепляет веру в силу человеческой личности, способной на высокие подвиги, ради целей, не имеющих ничего общего с эгоистическими интересами и суетой «этого» дня.

К Южному полюсу на аэроплане.

Развитие аэротехники позволяет теперь решать задачи, о которых раньше можно было только мечтать. К числу таких задач относится достижение Южного полюса, которого достигли в 1911 г. Амундсен, а в 1912 г. Скотт. До сих пор известна лишь малая часть южно полярного континента, который весь более половины Европы.

Проект нового исследования этой области предложен англичанином J. Lachlan Cope, который в качестве врача и биолога принимал участие в последней южно-полярной экспедиции Шекльтона в 1914—16 годах. Проект Cope'а заключается в следующем: Пароход „Terra Nova" должен прибыть из Новой Зеландии в бухту „New-Harbour". Отсюда он должен повезти аэроплан к ледяному барьеру Росса, к тому месту, у которого высадился в 1911 г. Амундсен. Отсюда аэроплан, снабженный лыжами, летит через ледяное плато к подножью горного хребта (перелет около 700 km.), где оставляет излишний запас горючего материала. Облегченный аэроплан поднимается над горами и долетает до южного полюса, покрыв еще около 600 km. По пути намечено делать фотоснимки. На весь перелет от запасного склада к полюсу и обратно предполагается достаточным одного дня. Этот же перегон пришлось сделать Амундсену на санях с собаками в 53 дня. Перелет, конечно, предполагается во время южного лета, т. е. в декабре, когда солнце не заходит весь день. Следует, однако, иметь в виду, что упомянутый полет представляет большие трудности, так как высота, на которой придется лететь аэроплану над горами, достигает 3000 метров, средняя температура в самое теплое время года—20° ниже 0°, возможная неблагоприятная погода, бури, снег, понижение температуры до—30—40° и тяжелые условия работы летчика все это делает этот перелет весьма трудным.

Помимо упомянутого разведочного полета на аэроплане, Cope проектирует впоследствии круговое плавание на пароходе вокруг антарктического материка для исследования его берегов.

По позднейшим, пока еще непроверенным сведениям, достичь Южного полюса на аэро-

плане удалось японцам, которые выбрали исходной базой Огненную землю и разбили весь перелет на этапы, устроив аэробазы на промежуточных островах.

Перелет через Атласские горы в Африке.

Среди совершенных перелетов за последние годы следует отметить те, которые совершались французами в Северо-Западной Африке между Рабатом, Фецом и Бу-Денибом над пустынями и Атласскими горами. Этим перелетам предшествовали земные военные экспедиции для исследования гор и окружающих их местностей. Удачным перелетам через горы и пустыни предшествовал ряд неудачных. Например, в 1917 году один из аэропланов должен был сделать вынужденный спуск в пустыне области Феца. Другой аэроплан, вылетавший с первым, продолжал свой полет. После тщетных попыток починить аппарат, несчастные должны были провести ночь у аппарата среди шакалов и других хищных зверей. Утром они отправились искать человеческое жилье.

Их путь, через пески под палящими лучами солнца, был невыносимо труден. Во время пути они заметили вдали летящий второй аэроплан. Так как бывшие в нем их товарищи не нашли их у аппарата, то они улетели прочь. Пришлось несчастным в отчаянии возвратиться к своему аппарату, умирая от голода и жажды. Содержимое инструментов и баков, которое они пробовали пить, вызывало лишь тошноту. Через два дня у одного из летчиков появились признаки безумия, он выхватил револьвер и застрелился. Другой же, напрягая последние силы, вел свой дневник. Читая строки последнего, невольно испытываешь ощущение от слов человека, заживо себя погребающего. Все короче и короче делаются фразы, вот появляются лишь отдельные слова, черточки, буквы, пока еще держался в руках карандаш... Позднее нашли аппарат, и у него два белых скелета и записную книжку.

Подобный случай не был единственным. Когда нибудь мы прочтем полную историю героических полетов французских летчиков в Сахаре.

В 1917 году летчик Vasseur перелетал Верхне Атласские горы от Агадира до Маракеча.

В августе 1918 года эскадрилья из 3-х аппаратов типа Вуазен под командою Chetin совершила удачный перелет через средний и верхний Атлас от Meknes'a в Bou-Denib. Через день после этого перелета три аэроплана системы Ньепор вылетели из Bou-Denib'a на Meknе's, но лишь один из них через 3 часа 10 м. долетел до Rabat'a, покрыв 400 км. и перелетев Атласские горы на высоте 4000 метров.

Острые пики, глубокие ущелья, обрывы, камни и вечные снега делали невозможным спуск аппарата в случае аварии, и поэтому путь был весьма опасен.

Через горы вьется лишь узкая караванная тропинка, по которой даже земной путь является трудно-проходимым. Самые условия полета, мелкий песок, который носится в воздухе, сухость воздуха, ветры — заставляют сильно изменять конструкцию аппаратов, увеличивая площадь радиаторов, покрывая моторы и т. п.

Телефонирование на далекие расстояния.

Среди всех стран по развитости телефонного дела на первом месте стоят Соединенные Штаты. В них находятся две трети общего мирового количества телефонов, и один аппарат приходится на каждых 77 жителей против одного телефона на каждые 156 человек в 1900 г. Всего, по последним данным, здесь имеется 13.744.496 телефонных аппаратов. Общее количество компаний, обладающих местными телефонными сетями, достигает 10.194. Подавляющее большинство этих местных сетей, а именно 96,8 проц. входят между собой в общий союз и соединены междугородными проводами. Благодаря этому почти каждый, обладающий телефоном, имеет возможность говорить с любым местом этой огромной страны. Теперь стали возможными телефонные разговоры через весь Северо-Американский материк—Нью Иорка с Сан Франциско. Чтобы жителю Старого Света легче было представить себе это огромное расстояние, достаточно сказать, что оно приблизительно равно расстоянию от Лондона через всю Европу и переднюю Азию до Багдада.

Беспроволочный телефон в автомобилях.

Автомобильный завод Daimler в Англии выпустил новые машины. Замечательным нововведением является установка в роскошно отделанных ландолэ аппаратов беспроволочного телефона («The Times Nov»).

Литературная хроника.

Иностранная литература.

Из иностранной литературы Госиздатом выпускается много интересных изданий. На днях вышел 6-ой том полного собрания сочинений Э. Верхарна в переводе Георгия Шенгели. В этот том вошли поэмы: «Мир», «Древние царства», «Волхвы», «Мыслители», «Во слову ветра», «Жизнь», «Европа», и другие—всего 22 поэмы. Госиздат также выпускает избранные сочинения В. Гюго. Вышел и поступил в продажу с предисловием Н. Левберг роман **«Девяносто третий год»**. Из современной литературы вышел сборник новелл Сельмы Лагерлеф **„Гномы и люди“**, куда вошло 7 новелл, писанных писательницей в последние годы. Также выпущен отдельный томик рассказов Джека Лондона под общим заглавием **«Дикая сила»**. В сборник вошли 7 рассказов, среди которых некоторые уже появились раньше на русском языке. Выпущен Госиздатом **«Парадокс об актере»**. Д. Дидро с предисловием А. Луначарского, в котором он восторженно отзывается об этой книжке и характеризует ее так: «Маленькая книжка» в сотню страниц доставляет наслаждение каждой своей строкой». Чрезвычайный интерес представляет собой маленькая—в 32 страницы—брошюра Джона Уолеса **«Уот Уитмен и мировой кризис»**. Это наиболее яркий анализ творчества Уитмена на русском языке после книжки Корнея Чуковского «Певец демократии».

Социально-политическая и популярно-марксистская литература.

Издат. «Московский Рабочий» выпустило: «Историческое подготовление научн. Социализма» Г. В Плеханова. В этом сборнике т. Рязанов собрал пять статей Г. В., относящиеся к 1891—1915 годам и критикующие утопический социализм предшественников Маркса и Энгельса. Под редакцией В. В. Адоратского выпущена книга писем Маркса и Энгельса, в которой собрана только та часть писем основоположников марксизма, которая дает представление о марксистской теории и отзывы о политических деятелях современников Маркса и Энгельса. Переиздан вторым исправленным и проверенным по подлиннику изданием „Анти-Дюринг“. Энгельса. В книге напечатано несколько писем, относящихся к появлению книги „Анти-Дюринг“ и в свое время напечатанных в журнале «Просвещение». «Московским рабочим» выпущено также **„К вопросу монистического взгляда на историю“**. Плеханова (Бельтова).

Как пособие к анти-религиозной пропаганде выпущены «Красной Новью» **„Сказание об Адаме и Еве“** по Лафаргу и **„Как родятся боги“**. Ем. Ярославского и в издании «Моск. рабочего». «Как жили люди в старину проф. Кудрявского.

Госиздатом выпущен вторым дополненным изданием «Коммунистический манифест» **Маркса и Энгельса**. Это издание снабжено интересными примечаниями и введениями Д Рязанова, уже частично появившимися в первом издании, выпущенном издательством «Московский Рабочий». Настоящее издание дает, кроме того, еще неопубликованную статью Энгельса „Революционные движения 1847 г.“ и первональный набросок манифеста сделанный Энгельсом, а также текст устава союза коммунистов, вышедшего за несколько месяцев до появления „манифеста“. Новое издание «Коммунистического манифеста» со всем новыми материалами имеет особое значение в связи с тем, что в настоящем году исполняется 75 лет со дня появления «Коммунистического Манифеста».

Художественная литература.

В издании Госиздата выпущены следующие книги: **А. Серафимович** «По земле», книжка третья (рассказы для юных читателей; **Георгий Шенгели** «Раковина», книга стихов **А. Н. Островский**, «Бедная невеста», комедия в 5-ти действиях со вступительной статьей К. Эфроса, **„Павел Кузнецов“** «Автолитографии», рисунки, собранные автором в Туркестане с 1909 года.

Научная литература.

Госиздатом выпущены следующие книги: «Естествознание в школе» №№ 3—5 журнала. Д р **Я. Л. Окуневский** «Описание некоторых способов исследований и требований, пред'являемых к пищевым продуктам и материалам». Инженер Н. Бернацкий «Общие понятия о железнодорожном пути и сооружениях». **А. И. Молок** «Народное просвещение во время Парижской коммуны». **Б. В Игнатьев** «Весенняя флора» (определитель весенних растений средней России), Инженер **Г. Шпезингер** «Психотехника и наука о производстве», **Б. Завадовский** «Отчего происходят заразные болезни и как с ними бороться» (популярный очерк).

* * *

— Литературным сектором Госиздата предположен к выпуску ряд художественных альманахов об'единенных по теме. В первую очередь будут изданы следующие сборники: „Революция в современной поэзии“, „Город в современной поэзии“, „Деревня в современной поэзии“. Цель сборников—отразить вышеназванные темы в сознании читателя так, как тра тует их современность

— При Госиздате утверждено издание журнала «Леф»—органа левого фронта. Журнал будет выходить ежемесячно размером от 10 до 15 печатных листов с иллюстрациями. В журнале предполагаются отделы: социологии и технологии искусства, практики искусства, полемический, иностранный, критики и библиографии. Редактором будет В. В. Маяковский.

—В пользу инвалидов издается очень интересный сборник, в котором примут участие Л. Д. Троцкий, А. В Луначарский, А. Барбюсс, Р. Роллан и наиболее крупные представители русского художественного слова Кроме того в сборнике будут помещены личные воспоминания и записи участников гражданской войны—инвалидов.

—Поэтом-коммунистом Карлом Эйнштейном (братом знаменитого математика) прислана телеграмма левым художникам слова с предложением издать сборник, под общим названием «Культура Советской России». Сборник должен будет заключать в себе статьи по вопросам строительства в области искусств, характеризующих его видоизменение за период существования Советской власти. В сборник привлекаются поэты, писатели и художники левого фронта. Руководящая статья предложена А. В. Луначарскому.

Работа Госиздата.

За весь 1921 год Москва выбросила 3000 листов печатного набора. За первые 7 месяцев 22 года 4876 листов печатного набора. За 6 месяцев количество напечатанной бумаги—48 миллион. листов. Другими словами—48000 верст бумаги—2000 вагонов. Если превратить в одно дерево всю древесину, ушедшую на бумагу, то под стенью этого дерева поместится собор Парижской Богоматери и Эйфелева Башня. Краской, ушедшей на издания, можно перекрасить значительную часть Антанты. И это при нашей бедности!

В Минске за последние три месяца вышли следующие книги:

(Изд. Белтрестпечать).

«Вся Белорусь.»

С. Я. Вольфсон. „Великий Социалист," 2-е издание.

Труды Белорусского Государственного Университета №№ 2—3.

С. Я. Вольфсон. «Диалектический материализм,» 2-е изд.

Поречин. Советские республики в их взаимоотношения.

С. Я. Вольфсон. Вокруг Плеханова.

Декреты о финансовом хозяйстве, Наркомфина Бел.

Отчет Совнархоза Белоруссии к IV С'езду Советов.

Распоряжения ЦИК Белоруссии 3-го созыва.

К. Каутский. «Экономическое учение К. Маркса,» в переводе на еврейский язык М. Лурье и Мовшовича.

Пухликов. Нужна ли мелиорация.

Журнал „Народное Хозяйство Белоруссии" №№ 11, 12,

(Изд. «Савецкая Беларусь»).

«Полымя,» ежемесячный журнал №№ 1, 2.

Я. Лесік. «Беларуская практычная граматыка.

Некрашэвіч. „Родкае Слова."

Изд. «Вперед».

Журнал „Вперед" №№ 4. 5, 6.

(Наркомпрос Белор.).

«Вестник Наркомпроса"

(Инст. Белор. Культуры)

„Беларуская навуковая тэрмінолегія" вып. першы.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Проф. Грузенберг „Психология творчества, как наука."

Проф. Розанов „Руководство по анатомии и физиологии человека."

Проф. Мелких Горе „Брайтонова болезнь, перев. с немецкого.

„Народное Хозяйство Белор." № 1.

„Красный студент" орган Рабфака Б. Г. У.

Вестник Наркомпроса № 1.

„Прапа" Рабоче-Сел. календарь.

„Сценічныя творы" спытак першы.

Янка Купала „Шляхам жыцьця." 2 изд.

Якуб Колас „У Палескай глушы."

Громыка „Початковая география."

„Канон геометрикус" (из немец. яз.)

„Кооперативное дело" № 1.

Библиография.

1) И. Агол. Основы марксизма („Анти-Дюринг" Энгельса). Коопер. Из-во «Московский Рабочий» 1923 г.

2) Карл Корш. Сущность марксизма. Издательство «Красная Новь». Главполитпросвет. Москва 1923 г.

3) А. Ческис. Людвиг Фейербах, Философ воинствующего материализма. Издательство «Красная Новь» 1923 г.

Все эти три брошюры отличаются своим отрицательным признаком: если особой пользы не принесут, то и не повредят.

Автор брошюры «Основы марксизма» пытался изложить «Анти-Дюринг» Энгельса. Несомненно, «Анти-Дюринг» трудно поддается усвоению неподготовленному читателю. Но если автор задался целью облегчить читателю—рабочему усвоить «Анти-Дюринг», то вряд ли эта цель достигнута: брошюра т. Агола только *знакомит* с содержанием, но в смысле усвоения книги Энгельса эта брошюра ничего не дает и дать не может. Возьмем хотя бы главу II, где он толкует о количестве и качестве: тут читателю придется не в меньшей степени напрягать ум, чем при чтении оригинала.

О брошюре К. Корша—«Сущность марксизма» приходится сказать, что она страда-

ет конспективной схематичностью, так что ни лектор, ни слушатель ничего не вынесут от прочтения этой тощей брошюрки.

Право, лучше „Азбуки Коммунизма" у нас популярных книг-пособий по изучению марксизма пока еще нет. •И зачем только понадобилось перевести Корша с немецкого, когда имеется такой блестящий оригинал, как «Азбука» Бухарина!

Что касается брошюрки т. Ческиса «Людвиг Фейербах», то автор и здесь не достиг своей цели. Во-первых, его брошюра страдает сухостью изложения, схематизмом, абстрактностью передачи. Мы сомневаемся, получит ли читатель то, чего ищет у Фейербаха. Эта брошюра не то комментирует, не то излагает, но она наводит унылую скуку вследствие отсутствия живости изложения. Но так как в провинции «Сущность Христианства» и другие сочинения Фейербаха являются редкостью и мало доступны, то все таки не мешает ознакомиться с брошюркой т. Ческиса.

П. Китайгородский.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма. Теория и политика в переписке Маркса и Энгельса.

Перевод, статья и прим. Адоратского.

«Маркс считал преступлением предлагать рабочим не самое лучшее» (из письма Энгельса). Несомненно, что названная в заголовке книга, изданная издательством «Московский рабочий», есть прекрасное выполнение завета Маркса. Сборник избранных писем издан по мысли В. И. Ленина. Сборник дает самое ценное и важное, что относится к теории и политике. Как говорит предисловие, сборнику придан характер более теоретический, чем исторический.

Письма обнимают период времени от 1846 г. по 1895. Многие из них уже известны более или менее широким кругам интересующихся вопросами марксизма, другие—менее известны, и все они касаются важнейших проблемм, которые волновали наших гениальных учителей на протяжении целого полустолетия.

Исторический материализм, диалектика, теория трудовой стоимости, теория ренты, ирландский и польский вопросы, русская община, франко-прусская война, Парижская Коммуна, вопросы революционной тактики и мног. др. находят в письмах классическое, часто настолько законченное освещение и в такой совершенной форме, что многие из этих писем могут быть рассматриваемы почти как монографии.

С неменьшим интересом читаются письма, посвященные 1 ому Интернационалу и его распаду, ирландскому народу, бакунизму и друг.

Менее известны, но бесконечно интересны для нашего времени письма, посвященные вопросам политики и тактики.

Яркое революционное настроение, дух непримиримости и антисоглашательства красной нитью проходят через эти письма. Сплошь да рядом вы встречаете проявления ненависти к демократическим «собакам» и либеральным прохвостам, выражение радости по поводу сохранения свободы от мелкобуржуазных партий, сохранения в *одиночестве* своей революционной самостоятельности (письмо 10, 13, 21 и друг.). Некоторые из писем, посвященных вопросам тактики, как бы написаны по адресу наших меньшевиков.

Огромный интерес представляют разбросанные по отдельным местам замечания о стратегии, пролетарской революции, как будто они специально предназначались для нашей октябрьской революции.

Новым прекрасным пособием одарило нас издательство „Московский Рабочий".

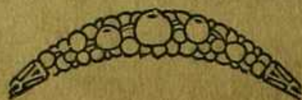
Книга издана хорошо; доступна для читателя со средней подготовкой.

Е. Кантор.

Спартаковцы. Роман Герминии Мюлен Изд-во «Московский рабочий».

Небольшая книжка. Период, описываемый ею—24 года. Он охватывает и германскую революцию вплоть до восстания спартаковцев. Роман развивается чрезвычайно живо. Фабула интересна. Строгих художественных требований роман не выдерживает. Много сентиментальности. Некоторые рецензенты сравнивают его с романами Синклера и Барбюсса, но у автора нет ни яркости и широты Синклера, ни глубины Барбюсса. Но несмотря на все это, книга читается легко и с интересом. И книга должна быть включена в каждую библиотеку, стремящуюся быть революционной

К.

КОНКУРС.

Литературн. приложения „Звезды“.

На лучший рассказ и на лучшее стихотворение.

1 я премия за рассказ 150 миллионов рублей. 2-я премия 100 миллионов рублей.

1-я премия за стихотворение 75 миллионов. 2-я премия 50 миллионов рублей.

Премии выдаются помимо гонорара.

Условия конкурса:

1. Рассказ должен быть не больше 250 строчек, стихотворение не больше 50 строк.

2. На присылаемых рассказах и стихотворениях должен быть девиз, такой же девиз на запечатанном конверте, в котором должны быть фамилия автора и его адрес.

2. Начало конкурса со 2-го номера, конечный срок 15 марта.

Обращение к читателям.

Редакция лит. приложения «Звезда» просит читателей присылать отзывы о помещаемых рассказах и стихотворениях, начиная со 2-го номера. Жюри при рассмотрении произведений будет считаться с мнениями читателей.

В состав жюри приглашаются:

проф. Воскресенский, т. Гришин,

проф. Замотин, проф. Игнатовский,

т. Кривицкий, т. Нодель и т. Шукевич-Третьяков.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Мозырь. Мар-ко.

Вы вероятно писать сможете. Но вам надо еще много учиться и читать. Читайте пролетарских поэтов: Александровского, Казина, Герасимова, Гостева, Кириллова и других. Кроме того напишите о том, что вам более известно, а не о турецком народе.

Бобруйск—Алексееву.

Вы пишете:

Поэт самород из рабочей купели,
Рожденный фабричным гудком,
Споет нам родные шинели
О храме достойно святом

Надо петь так, чтоб любо было слушать. Про ваше пенье этого нельзя сказать. Учитесь петь у того, кто умеет.

Юрькову.

Ваши стихи не пойдут. Хотя бы потому, что это не стихи, а плохо связанные фразы митинговой речи, которые и так сильно приелись.

Галине Гофман.

Ни рассказ, ни стихи не пойдут. В стихах встречаются очень красивые места, но ни одно стихотворение не является строго выдержанным до конца. Вы срываетесь. В одном вашем стихе: „Общественные деятели буржуазного строя“. Это из какой передовицы?

Пишите. Работайте.

К.

Со следующего номера

ОТДЕЛ БИБЛИОГРАФИИ

будет выходить под редакцией ученого библиотековеда СИМОНОВСКОГО.

Кроме того, будет введен отдел: «Новое в Науке»

под редакцией проф. БЕРКЕНГЕЙМА.

Шашки.

Под редакцией А. П. КРУТОЛЕВИЧА.

В программу отдела входят: хроника шашечной жизни в России в Белоруссии, теоретические заметки о дебютах и концах игры, партии, этюды, задачи и т. п.

Этюд № 1. П. А. Слёзкина (Киев).

Белые.—Дамка g1; простые: a7, f4.

Черные.—Простые: c3, д8, h6 —Выигрыш.

Этюд № 2. Б. П. Крутолевича (Минск).

Белые.—Дамки: a7, c5, д8.

Черные.—Дамка h4, простая c3. Выигрыш.

Задача № 1. А. Н. Шмалько (Екатеринодар)

Белые.—Дамки: a3, f4, g1; простые: c5, д6, e3, f6, h4, h6.

Черные.—Дамка f8; простые: a7, в4. — Запереть простую.

Партия № 1.

ПЕРЕКРЕСТОК.

№№	АПК.
Белые	Черные
1. c3—д4	д6—e5
2. в2—c3	e7—д6
3. e3—f4	

Этими ходами характеризуется дебюд, известный под названием „перекрестка“. При 3. g3—h4 получается „обратный перекресток“. 3 . . . . в6—a5

4. f2—e3

Если 4. д4—c5? то д6: в4. 5. a3: c5, c7—в6. 6. f4 : д6, в6 : в2, и черные выигр.

4 . . . . c7—в6

Единственный ход у черных.

При 4 . . a7—в6? белые отвечают 5. a3—в4, h6—g5 (если 5 . . в6—c5 и 6 . . в8—a7, то 7. в4—c5 и выигр; если 5 . . в8—a7, то 6. в4—c5 и выигр.; если же, наконец, 5 . . д8—e7, то 6. f4—g5 и выигр.), 6. f4 : h6, в8—a7. 7. в4—c5, д6 : в4 8. e3—f4, c7—д6. 9. д4—c5, в6 : в2. 10. c1 : g5 и выигрывают.

При 4 . . д8—e7? 5. g1—f2 и в след. ход 6. f4—g5 и выигр.

При 4. . f8—e7? 5. д4—c5 и выигр.

5. c1—в2

На 5. e1—f2? черные отвечают 5 . . в6—c5. 6. д4 : в6, a7 : c5 и выигр.

При 5. a1—в2? белые также проигрывают (впоследствии будет дан анализ).

5 . . . . в6—c5!

Единственный ход.

Если 5 . . f8—e7? то 6. g1—f2, в6—c5. 7. д4 : в6, a7 : c5 (7 . . a5 : c7, 8. c3—в4 и в след ход 9. в4—c5) 8. c3 — в4 9. в2 : в6, в8—a7 (9 . . f6—g5. 10. в6—c7 и 11. g3—h4). 10. в6—c7, д8 : в6! 11. a3—в4, в6—c5! 12. в4—a5 и выигр.

Если 5 . . в8—c7? то 6. g1—f2, в6—c5 (иначе 7. д4—c5). 7. д4 : в6, a7 : c5 8. c3—д4. 9. в2 : в6 и выигр.

Если 5 . . д8—c7? то 6. g1—f2, f8—e7. 7. д4—c5 и выигр.

Если 5 . . д8—e7? то 6. f4—g5 и выигр.

6. д4 : в6, a5 : c7

При 6 . . a7 : c5? черные проигрывают: 7. c3—в4. 8. в2 : в6, в8—a7! (если 8 . . f6—g5, то 9. g3—h4. 10. h4 : f2, в8—a7! 11. д2—c3 и 12. e3—f4). 9. g3—h4, a7 : c5 (9 . . e5 : g3. 10. h2 : f4, 11. a3—в4 и 12. f4—g5). 10. a3—в4, c5 : a3. 11. f4—g5 и выигр. 7. e3—д4 a7—в6

8. g1—f2

Если 8. a3—в4? то 8 . . д6—c5! 9. в4: д6! в8—a7. 10. д8—e7 и 11 . . e7 : a3.

8 . . . . в8—a7!

Единственный ход.

При 8 . . в6—c5? или 8 . . д8—e7 или 8 . . f8—e7?—черные безусловно проигрывают. 8 . . в6—a5? в большинстве вариантов тоже проигрывает.

9. f2—e3 f8—e7

10. g3—h4!

Единств. ход—10. e1—f2? в6—c5. 11 . . a7 : c5 и выигр.

10 . . . . e5 : g3

11. h4 : f2! h6—g5

12. h2—g3!

12 . . . . д6—e5

13. a3—в4?

Проигрышный дебютный ход. У белых было единственное продолжение: 13. g3—f4. e5 : g3. 14. f2 : h4, g7—h6. 15. e1—f2! f6—e5. 16. h4 : f6 и партия сводится к ничьей.

Ход 13. g3—h4? также проигрышный.

13 . . . . g7—h6

14. g3—f4.

Остальные ходы тоже проигрывают партию.

14 . . . . e5 : g3

15. f2 : h4, в6—a5

16. e1—f2

Ходы 16. в4—c5 или д4—c5 или в2—a3 тоже не спасают белых.

16 . . . . g5—f4

17. e3 : g5 h6 : f4

18. f2—e3

Ходы 18. в4—c5 или д4—c5 или в2—a3 тоже проигрывают.

18 . . . . c7—д6!

Начало известной комбинации.

19. e3 : g5 f5—e5

20. д4 : f6 д8—c7

21. c3 : g3 h2 : a3

Белые сдались.

ШАХМАТЫ.

№ 2.

Под редакцией Р. К ШУКЕВИЧ-ТРЕТЬЯКОВА.

Первая и последняя партия Мюнхгаузена*).

Мюнхгаузен попал в плен и спас свою жизнь только благодаря тому, что как зритель шахматной партии, нашел выигрыш b, казалось бы проигрышном положении.

Белые: Кр b2, Фd3, Ла5, Лh1, Cf1, Cf2, Кb4,п: С3, d4, g3, h2; (11). Черные: Кр h7, Фd7, Лв8, Лg8, Сс6, Cf6, Кd8, Кg6, п: в5, d5, e6, f3, g7, h6 (14).

Мюнхгаузен продолжал:

«..Тогда он продолжал: «Удастся тебе выиграть партию белых, жизнь и достояние твое и твоих спутников гарантированы. Да, красивейшее мое украшение, свет моих очей, трепет моего сердца—все это я тебе подарю.»—Принцесса покраснела, а мое сердце радостно забилось.—Но если твое выступление будет вызвано твоей глупостью и воображением, ты будешь медленно изжарен на лагерном огне».—Принцесса рассмеялась и сердце мое захотело остановиться от ужаса.

С дрожащими коленями уселся я за игру я пошел 1 h2—h4, чтобы ходом 2h5 отыграть обратно коня, т. к. Противник заметил, что 1...h5 разбивается об 2g4, что коня ничем не спасешь и, иронически улыбаясь, ответил Кg8—f7, на 2h5 собираясь ответить Кg5, получая две лишние пешки при твердо-каменном положении: не пойди я 2h5, то е5 грозит неприятными последствиями.

Напряженно углубился я в положение. Солнце достигло зенита и позолотило Кg6. И тогда меня как бы осенило. Возбужденным голосом об'явил я мат в 19 ходов. Много позднее я узнал, что мат с таким большим числом ходов еще никогда не был об'явлен..

Мой противник заревел от смеха по поводу этой великолепной (как он ее назвал) шутки Но я невозмутимо пошел 2 Фd3 : g6+! Кр h7 : g6 3 Cf1—d3+Кр g6—h5, 4g 3—g4+! Кр h5 : g4 5 Лh1—g1+,Кр g4—f4 (На 5... Кр h3 последовало бы 6 Cf1+Кр h27 Cg3+, что вело к цели еще быстрее) 6 Cf2—g3+, Кр f4—g4 (или 6... Кре 3 7 Лe1+Кр d2 8 Ла5—а1 и мат в следующий ход) 7 Cg 3—e1+! Кр g4—h3 8 Cd3—f1+Кр h3—h2. В этом положении я, видимо, выдохнулся и черные захлопали себя по животику. Но я спокойно продолжал 9 Сe1—g3+, на что последовало Кр h2 : g1 и 10 Ла5—а1!;

Только теперь беспокойно заерзал мой партнер, заботливо вник в позицию, чтобы затем ходом Лb8—а8 яростно ответить. Сыграй теперь белые конем на а2, то после Л : а2+ они живо попадали к чорту в лапы. Я же сыграл 11 Ла1—с1! Последовало: Ла8—а1 12 Кр в2 : а1, Лg8—а8+15 Кв4—а2, Ла8 : а2+16 Кр а1 : а2, Cf6—g5 17 h4 : g5, f3—f2 18 Cf1—h3+f2—f1 Ф. 19. Лс1 : f1 мат.

Уже с 10-го хода выдерживая я перекрестный огонь взглядов изумленных. Когда же я закатил мат, сам медведеподобный мой партнер с глубоким уважением потряс мне руку»...

*) Еще в детстве читали мы о необыкновенных приключениях и на поле брани, и на охоте, во чреве кита и т д., всемирно известного лгуна барона Мюнхгаузена. Но только на днях, из нижепомещаемой, сильно сокращенной статьи д-ра И. крейчика из Вены. (Kagan's Neueste Schaednoehrichten 1922 г. № 2) узнали мы, что барон являтся нашим достаточным соратником, что пришлось отличиться и ему на шахматном поле. Р. Ш—Тр.

Окончание партий

В турнире сильнейших игроков Австралии, происходившем в Виктории в 1916 году, в партии Гаррисон (бел.) и Лонгран (черное) случилось следующее положение.

Белые: Кр. hI Фв8, пешки f 2, f 3, e 5.

Черные: Кр h 4, ф f 5, пешки d 5, e 6 g 5, h 6 Продолжение было:

1 ф b 8—h 8; h 6—h5? Ошибочный ход, интересным образом ведующий к поражению, хотя белые не только не нашли в этом положении выигрыша и даже проиграли партию. но они могли выиграть ее следующим интересным способом.

2 ф h 8—f 6, ф f 5—h 3 ясно, что черные не могут меняться королевами и не могут допустить размена на f 5 Кроме приведенного хода заслуживает также внимания 2—ф f 4, на что последует 3 кр g 8,-d 4 фна g 4,5 ф f 6+Ф g 5, 6 f 4 ф 6 7 f b3 8f7 d2 9 f 8 ф d 1 ф 10 ф f 6 X м т.

3 ф f 6—f7 d 5—b 4.

4 ф f 7—f8! d4—d3. После 4..... ф f5 5 ф f 5 ef пешки e проходят в ферзи, в то время как черная пешка задерживается белым королем 5 ф f 8—b4+g 5—g 4.

ф b 4—e 7 мат.

Партии.

№ 2. Неправильное начало.

Играна в Вене.

Одна из партий, обнаруживающих в полном блеске комбинационный талант недавно умершего гроссмейстера Карла Шлехтера.

Флейссиг—Шлехтер.

1. b2—b4 e7—e6, 2 Cc1—b2, Kg8—f6, 3. a2—a3, c7—c5. 4. b4—b5, d7—d5 5. d2—d4, Фd8—a5+, 6. Kb1—c3, Kf6—e4, 7. Фd1—d3, c5: d4, 8. Фd3 : d4, Cf8—c5, (Начало прекрасной комбинации) 9. Фd4: g7, Cc5 : f2+, 10. Kpe1—d1, d5—d4! 11. Фg7: h8+, Kpe8—e7, 12 Фh8 : c8, d4 : c3, 13. Cb2—c1, Kb8—d7 (Белый ферзь должен оставить защиту пункта c3), 14. Фc8: a8, (14. Ф—c4 тоже не спасало партии... 14. Л—d8, 15, Ф—b4+, K—c5+ и т. д.), Фa5 : b5, 15. Cc1—f4. Фb5—d5+, 16. Kpd1 c1, Cf2—e3!! (Блестящий, задачный конец) 17. Cf4 : e3, Ke4—f2+! Белые сдались т. к. на C : f2 последует 18... Ф—d2+, 19. Kpc1—b1, Фd2 d1+, 20 Kpb1—a2, Фd1: c2 мат. Одна из изящнейших партий во всей шахматной литературе.

№ 3. Испанская партия

(играна в турнире на чемпионат Минска 1922 г.)

А. Штенгер—Л. Майзель.

1. e2—e4 e7—e5, 2. K g1—f3 K b8—c6, 3. Cf1—b5 Kg8—f6, 4. Kb1—c3 Cf8—c5, 5. d2—d3 h7—h6. 6. 0—0 0—0?, 7. Cb5: c6 d7 : c6, 8. Kf3 : e5 Фd8—d6, 9. Ke5—f3 Cc8—g4, 10. Cc1—e3 Лa8—d8, 11. h2—h3 Cc5 : e3, 12. f2 : e3 Cg4 : f3, 13. Фd1 : f3 Фd6 b4, 14. e4—e5 Kf6—d7, 15. d3—d4 Фb4 : b2, 16. Kc3—e4 Фb2 : c2, 17. Фf3—g4 Kpg8—h8, 18. Лf1—f3 Фc2—c4, 19. Лf3—g3 Лf8—g8, 20. Лa1—f1 g7—g6, 21. Фg4—f4 Kp.h8—g7, 22. Ke4—f6 Лg8—f8, 23. Лg3—g4 Фc4—e6.

Что делать черным:?

Если...-23. Лf8—h8, то 24 Kf6 : d7, 24. Лd8 : d7, 25. Фf4—f6+; 25 Kp ∞; 26d4—d5 и т. д. (... 26 Фc4 : d5?; 27. Лg4—d4) 24. Kpg1—h2.

С угрозой: 25 Фf4 : h6; Kpg7 : h6, 26. Лg4—h4+; Kph6—g5; 27. Лh4—h7 и мат на g4 неизбежен.

Kd7 : f6

(Плохо: лучше было 24. Лf8—h8 на что белые играли бы 25 Фf4—e4 с угрозой 26 Kf6 : d7 (Kf6—h5+) и 27 Лf1—f6) 25. e5 : f6+Kpg7—h7; 26. Лg4—h4 h6—h5.

Ошибка. Но партию черных все равно спасти нельзя. Например: 26. e6—d6; 27. Лh4 : h6+27 Kph7—g8; 28 e3—e4; Фd6 : f4+(иначе 29 e4—e5) 29. Лf1 : f4; Лd8—d6; 30. e4—e5 и 31. Лf4—h4 с неизб. матом. 27. Лh4 : h5+g6 : h5; 28. Фf4—g5. Сдался.

Задача № 2 П. Ф. Блэка.

Белые: Kp g7 Фc8, Cb7, Cc7, Kc6, Kd6 (6).

Черные: Kp c5, Лb2. Лc4, Cc2, Ch 2, Kh8, П : b3, b4, d3, e3 e7, f4, f7, g6 (14).

Мат в 3 хода.

Задача № 3 g. Heathcote.

Белые: Kp h7, Фh6, Cc4, Ce7, hc2 (5).

Черные: Kp f5, Ch2, Kb7, П : c6, e5 (5).

Мат в 4 хода.

МЕСТНАЯ ХРОНИКА.

Минск, 9 февраля А. А. Касперский в Центр. Совпартшколе дал сеанс одновременной игры (+9, −1, =1).

Шахматные отделы появляются регулярно почти во всех местных газетах:—в „Векере" (на еврейском яз.)—под редакцией Гр. Майзеля, в «Юнгер-Арбейтере" (на евр. яз.)—под ред. Кремнева, появляется в журнале „Полымя" (на белорусск. яз.)—под ред. Р. Шукевича-Третьякова.

В Минске организовался ряд новых шахматных кружков, в том числе сильный при Центральной Сов. партшколе, создается при Центральном доме Работников Просвещения

Начинают поступать вести и из уездов.

В м. Свислочь, Борисовского уезда, при клубе „Интернационал Молодежи" организован шахматный кружок, под руководством школьного работника Р. Уздана.

Оживает жизнь и в Слуцке, где сейчас проживают два сильных игрока—А. Розеншайн и Л. Я. Трявин, 1-ый с успехом играл в Минске с игроками 1-ой категории, 2-ой—в последних двух турнирах Петрограда 1918 г. имел следующий результат, 1) 2—3 место за Арв. Кубблем рядом с Ц. А. Романовским, выше Тальвик, Голубева, Авг. Кубблея и др. 2) II приз за Голубевым, выше Ильина Женевского, Утретского, Вейта, Платца, Рауша-фон-Траубенберга, проф. Колловича, Чепурнова, Гизе, Стразлинга и др.

— В Борисове, стараниями секретаря Укома шахматжета В. В. Путнина, при рабочем клубе создается шахматный кружок.

Исправление

В партии № 1 в место 9Cc1—ds следует 9Cc1-95. вм. 13 cв-5d-4,—13cв5—a4, вм. 21 ke4—e5,—ke4—c5, вм. 23 e2—e4,—23 c2—c4.

Главлитбел № 802.—(12.000)—Минск. „Белтрестпечать". 1-я Советская Типография.